

МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ

ПОЕДИНОК ВО ТЬМЕ

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Сибирский приключенческий роман

Михаил Соловьев

Поединок во тьме

«ВЕЧЕ»

2015

Соловьев М. В.

Поединок во тьме / М. В. Соловьев — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Сибирский приключенческий роман)

Отставной сотрудник милиции Птахин, копаясь в частном архиве заброшенного рудника в Иркутской области, обнаруживает в дневнике покойного главного геолога следы загадочной истории, что началась еще в довоенное время. Пытаясь разобраться, о чем говорится в зашифрованной части архива, Птахин связывается с семьей покойного и вместе с его сыном пытается разгадать секрет. В то же время в Иркутск приезжает банда уголовников с заданием: найти и расправиться с неким бывшим «ментом». По фото главарь опознает своего давнего врага – следователя Птахина. Банда отправляется по пятам за Птахиным и его командой, решившими спуститься в рудник. Но ни те, ни другие даже не подозревают, с чем им придется столкнуться во тьме подземелья!..

Содержание

0	5
1. М. Птахин	6
2. Р. Пашян	8
3. М. Птахин	10
4. Р. Пашян	14
5. М. Птахин	17
6. Р. Пашян	20
7. Р. Пашян	23
8. М. Птахин	26
9. Р. Пашян	29
10. М. Птахин	33
11. Р. Пашян	36
12. М. Птахин	40
13. М. Птахин	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Соловьев

Поединок во тьме

0

Тусклый свет фонарика, закрепленного на голове, вырывал из крошечной тьмы воду, бегущую по скале вниз, и мокрые ступени лиственничной лестницы. «Сколько там еще? – всматривался в зияющую черноту человек, распластанный на высоте девятиэтажного дома. – И что потом?» Перед глазами еще стояла картина падения товарища в подземную реку: тело летело, судорожно хватая руками воздух, фонарь высвечивал несущийся подземный поток.

Действительность вернулась, смешивая краски. Руки замерзли. Вода многочисленных ручьев, стекающих в чрево заброшенной шахты, была холодной.

Очень хотелось есть.

Вечная сырость штолен и штреков и постоянно низкие температуры могли убить и более опытного человека, чем новичок, потерявший проводника и товарищей. Отчаяние захлестывало разум. Умирать не хотелось. Где-то там, наверху, шла другая жизнь, оставленная всего несколько дней назад.

Нужно было двигаться.

Свет диодных лампочек задрожал. Человек на лестнице замер и неожиданно уловил движение воздуха слева. Дуновение показалось на удивление теплым и принесло с собой осенний запах прелого листа. «Вентиляция!» Мужчина повернул голову в сторону открывшегося штрека. «Вентиляция или один из скрытых входов», – вспомнил он рассказы покойного проводника.

Рубчатая подошва башмака коснулась края скалы, смахнув с нее каменную крошку, и незадачливый путешественник шагнул в неизвестность.

1. М. Птахин

Наследство – вещь неожиданная. Мало кто, получая привет из прошлого, не задумается о вечности и не переберет свою жизнь по косточкам.

Наследие может быть разным. Всех ситуаций не перечислишь, да и незачем.

Узнав, что в городе Слюдянка меня ожидает сундучок с документами, я озадачился. У каждого из нас есть места, куда возвращаешься независимо от собственных планов. Сильно напоминает камень ведьмы из сказки, где герои не могли от него далеко отойти.

Город Слюдянка, расположенный в самой южной точке Байкала, был для меня чем-то подобным. Побывав однажды, я снова и снова там оказываюсь.

Первые впечатления помню плохо.

Взрослые, затеявшие тот поход, загорали на пляже, а мы детской компанией в пионерских пилотках ловили туфлями в небольших озерах мальков и бросали камни в зеленые островки тины.

Потом были Кругобайкальская железная дорога и друзья студенческих лет. Их родители и уютная квартира на улице Слюдянских Красногвардейцев, где мы впервые побывали с женой, приглашая товарища на свадьбу. Похоже, что и старшая дочь получилась именно там. Ныне покойный дядя Толя по прозвищу Бульдозер, механик мраморного карьера, уложил нас, тогда неженатых, вместе. Жена его, директор школы Маркина Зоя Алексеевна, только глазом строго зыркнула, но промолчала и постелила нам на диване в большой комнате.

Потом были проводы братьев в армию. Встречи.

Омуль и пирожки тети Зои. Многочисленная родня. По сути, мы тоже стали родными, и первые смерти в этом маленьком сибирском городке с давней историей воспринимались с болью и горьким чувством утраты.

Я сидел дома рядом с телефонным аппаратом, а в голове еще звучал голос жены покойного главного геолога слюдянского рудоуправления Владимира Петровича Быкова.

– Миша, приезжайте в субботу на поминки, – сказала она, поздоровавшись. – Муж кое-что для вас оставил, но отдавать разрешил только на годовщине. Будьте на машине, сундучок немаленький. Архивы за сорок лет работы и какие-то разъяснения.

«Разъяснения... Неужели письмо? – обдумывал я услышанное. – Послание с темной стороны? Хотя почему с темной?» Владимир Петрович всегда был человеком светлым. Стоило вспомнить его приветливую улыбку, гостеприимный дом и уважение бывших подчиненных.

Сорок лет главным геологом – не шутка. Когда мы с ним знакомились, прошлый век готовился сдать вахту. Возраст геолога оказался почтенным – восемьдесят семь лет.

Нашему коллективу требовалась консультация по шахтным отвалам рудоуправления, и в командировку тогда отправили меня. Нужно было видеть, с какой лихостью этот сухой старичок бегал по слюдянским горкам вместе с такими же старичками-старателями. Я за ними еле поспевал.

За месяц у меня слетели несколько килограммов лишнего веса и набралась масса впечатлений.

Дореволюционные разработки. Выбранные открытым способом жилы и перекопанные сопки. Все это можно было увидеть, лишь уткнувшись собственным носом, при взгляде с федеральной трассы на горы картинку отлично маскировал столетний лес.

С той поры я постоянно навещал стариков и приятельствовал с их сыном Сергеем. Спустя год выяснились забавные обстоятельства. Оказалось, что жена Владимира Петровича и моя родная тетка – подруги юности. Жили они в свое время в Иркутске, на улице Пшеничной, по соседству с моим дедом.

Нужно ли говорить, что очередной житейский узел затянулся, и как сильна была боль утраты, когда ушел-таки от всех нас Главный Геолог.

«Итак, архив и письмо, – я перебирал свои ощущения. – Да еще спустя год. Почему?»

Грохнула дверь подъезда, возвращая меня в привычный мир, который неожиданно становился серым. Окружающая реальность менялась. Я уже чувствовал запах старых документов и рукописей, которые буду разбирать и перечитывать.

За несколько лет общения мы с Владимиром Петровичем составили карту залежей слюды.

Рисовал он со знанием дела и все косил на меня своим лукавым глазом. Разъяснял. Улыбался. На бумаге из-под шариковой ручки появлялась схема города Слюдянка и прилегающих территорий.

– Сухой Лог, – рассказывал Владимир Петрович. – Клещей там тьма, и слюда не жильная, как на «Руде», а линзами. У меня там старатели работали...

Мне все время хотелось поинтересоваться, а не попадалось ли что-нибудь драгоценное – как-никак, сорок лет работы, десятки километров проходки, – но я так и не спросил. Меня, как ребенка другого времени, просто не поняли бы. Люди, воспитанные в СССР, умели пользоваться тем, что есть, и быть счастливыми. С горечью я сознавал, что именно такое умение и есть настоящая ценность.

Первый разговор о самоцветных камнях завел Сергей. Он вспомнил, как они с отцом ходили в заброшенные шахты собирать образцы для коллекции. Владимир Петрович грустно усмехался, вспоминая, как иной раз не узнавал родного подземелья.

Крепи рушились, часто приходилось огибать завалы, чтобы добраться до нужных штреков; однако крепкая память брала свое, и они с сыном всегда попадали, куда хотели.

– Сегодня в шахтах делать нечего, – подводил итог хозяин дома, заканчивая беседу. – Слишком опасно.

В его историях я слышал недоговоренность и никак не мог понять улыбок и взглядов, которыми он обменивался с женой и старшим сыном. Я чувствовал, что есть в этом нечто, но торопить события не хотел.

Бабахнула соседская дверь, и четырехлетний бандит, азербайджанец Рауф, унесся, как всегда, оставляя открытыми и родительскую квартиру, и весь подъезд.

Через пару минут соседка, спускавшаяся следом, заворчала что-то неразборчивое, хлопнула дверь, отрезая звуки улицы.

Обожаю кирпичные дома родом из шестидесятых, и плевать на все кажущиеся неудобства. Огромные газоны. Весеннее цветение яблонь и черемухи, высаженных первыми жильцами более пятидесяти лет назад. А соседи?

Переехав сюда в середине девяностых, я будто попал на островок детства, в родную до боли хрущевку. Здесь у нас многое, как и раньше, – по-семейному, и уезжать отсюда я соберусь, лишь когда не станет этих людей из прошлой жизни.

Искренне надеюсь, что произойдет это не скоро.

Звуки сегодняшнего дня вырвали меня из прошлого и напомнили о текущих задачах.

Предстояло перекраивать неделю, чтобы освободить время для поездки, пробудилось ощущение тайны, поселившееся в душе, когда Главный Геолог был еще жив.

2. Р. Пашян

Не знаю, господа-товарищи, когда переменится что-то в жизни моей, но конвейер, куда я однажды угодил, останавливаться, похоже, не собирается.

Иной раз я подумываю бросить все к чертям собачьим и прожить остаток исковерканной жизни честно, но не тут-то было...

Общаясь с пацанами, только-только нырнувшими в преступную среду, я иной раз пытаюсь их остановить, но кто кого слушал и в какие времена?

Взять хоть меня. Что мешало жить, как все? Высшее образование. Хорошая должность еще при СССР. Мог же и тихо воровать? Но дернула нелегкая соорудить межрегиональную сеть по изготовлению товаров из украденного сыра.

Вторая ошибка – пошел на контакт с ворами в законе ради упрочнения всей схемы. Об этом говорю сейчас по большому секрету, потому что они всегда были моей опорой. Когда спалился в свой первый и единственный раз, да попал на десяточку, они меня поддержали.

В лагере, согласовано со старшими братьями, занимал немаленькую должность и продолжал успешно расхищать государственную собственность. Пополнял общак да выкраивал отпускное пособие себе на освобождение.

Но оставь надежды. Государство катилось совсем по другим рельсам. Воры обрастали бизнесом, и таким, как я, приходилось довольствоваться крохами с барского стола. Хотя опять можно не жаловаться – зубры из курдского крыла обо мне помнили. Воровские распри, правда, повлияли сильно, но езиды – всегда езиды. Еще в Средние века наши предки вышли наемниками из Саудовской Аравии и осели по всему миру.

Почти все наше российское крыло имеет армянские фамилии, но мы как были солнцепоклонниками, так и остались, хотя, может, есть кто и крещеный, но я таких не знаю.

После освобождения мне сильно не хотелось оставаться на вторых ролях, и я стал пробиваться сам.

В Центральную Россию не поехал, а поскольку освобождался из «Краслага», то купил себе хату в Красноярске и начал потихоньку осматриваться.

Ситуация в окружающем мире менялась соответственно росту доллара, и, когда я разобрался в происходящем, деньги, украденные у государства в лагере, уже заканчивались.

Хотя, может, и неплохо, что не удалось влиться в бизнес. Зато теперь у меня имелся определенный статус родом из девяностых да вольная дружина, с которой мы промышляем и сегодня.

Воры в законе тоже подкидывали иной раз интересную работенку. В общем и целом грех жаловаться. Сейчас меня многие считают удачливым бизнесменом, а я никого не разубеждаю. Людей из старой жизни все меньше, и мои делишки касаются только моей дружины.

Даже офис в этом году решил снять и визитки сделал. Не каждый должен знать, что мы по сей день не оставили своей профессии и как наши предки – абреки совершаем налеты. Разница лишь в одном: вместо коней под нами машины, а режим работы, как при СССР – аванс и получка, то есть бомбим не чаще пары раз в месяц...

А вот сегодня прозвучали странные новости, и на электронной почте я обнаружил послание от воров.

«Странные дела, брат, творятся в твоём королевстве. Если ты еще на свободе, прочитай о себе историю, вот тебе ссылочка <...>».

Тюряга... Те, кто никогда не бывал в заключении, даже представить себе не могут, что это такое – выющийся рядом с любым каторжанином демон неволи. Я вижу его как огромные черные крылья летучей мыши, распахнутые и готовые задушить жертву в объятиях.

Смотреть демону в лицо боюсь. Глянул один раз много лет назад, а потом, отбывая срок, думал: не поднимал бы глаз, глядишь, и пронесло бы.

В такие минуты хочется кого-нибудь убить. Вот и сейчас кулаки непроизвольно сжались. Скриплю зубами, гляжу на экран и думаю: открывать ссылку или подождать немного?

Решил сначала пожрать. Самые плохие новости не так ужасны, когда организм сыто щурится на мир. Так и сделал...

Соорудил себе форматный бутерброд на три слоя. Кофе налил, а ссылочка так и тюкает, падла, так и зовет. Я уж ее и в голове провернул-пощупал, а потом вдруг понял, что страшного-то, похоже, ничего и нет... Сайт-то «проза. ру» называется, и чего уж там плетут московские старшие братья? Может, шутка? Хотя эти в простоте и слова не скажут – воры, одно слово.

Глянул и чуть не облез. На заглавной фотке – паренек, которого мы с Левашей упустили пару лет назад.

Там отдельная история. Вкратце сказать, выпасли мы на трассе гуся из соседнего региона на хорошей тачке. Один он ехал, что и привлекло. За машину можно было с ходу сотки три рублями поймать даже без документов. Гонялись мы за ним тогда, засады делали, но фарту у него оказалось больше. Ушел паренек.

Гляжу и узнаю морду его свинойрылую – точно, он! Расселся в кофейне какой-то на фоне вулкана и улыбается над тарелкой радостно.

Полез по рассказам.

Ничего так пишет – со знанием дела. Как блатной темы касается, сразу видно – пассажир прокоцанный. Выяснилось, что мусор он – пенсионер МВД. Когда свои регалии в эссе перечислял, ясно стало, что просчитал он нас два года назад, но виду не подал.

Открыл я рассказик, на который Москва указала, и обомлел. Все, как есть, про нас – только без фотографий.

Я вот сам, к примеру, Роин Пашян, и в рассказе Роин Пашян, мой партнер из «горных баранов» сван Леван, а по тексту тоже сван Леван.

Сел я тут и задумался: а что это за перец такой, который так складно чешет про ту историю, когда он от нас когти рвал? Не иначе связался паренек с Красноярской управой, да и поинтересовался: мол, а что там за «хонда» за ним по трассе гонялась?

Значит, номерок-то мой он срисовал, иначе как просчитали бы?

Ошибочку допустил мусорок с рассказиком-то. Мы тогда не поперлись гоняться дальше, потому что непонятно стало: заметил он нас или нет? Я, когда непруха, обычно дела сворачиваю. А он вот что – смеется...

Рассказ я внимательно прочел и уловил, как он нас обыграл. Окончательный прокол случился в гостинице «Медведь», когда канская засада фраернулась и высмотрел гусь пацанов на гостиничной площади.

Оставил тогда он вентилятор свой на окошке как ширму, чтобы мы его обозревали, да и встал на лыжи.

Вот уж мы бешеные были... В общей сложности 700 километров намотали туда-сюда и лишь порог поцеловали. Я тогда решил ситуацию отпустить. Все неясно было: может, ему просто повезло? Он же так гладко все закрутил. Отзвонился вахтерше: мол, уехал ночью да в гостях остался. Приберите вентилятор – вернусь, заберу. Прецедента, что обманули нас, нет, а значит, можно и не гоняться – нету позора, а сейчас все...

«Забавно, как его урки-то вычислили?» – задумался я и неожиданно понял, что будет еще от старших братьев письмецо. Мы хоть и в многолетних отношениях, но о чем думает вор, простой фраер не поймет...

3. М. Птахин

Поминки заканчивались. Посидели тихо. Пришли человек десять из бывших работников шахт да родственники. У стариков – слезы на глазах. Народу набралось немного, а поминали чуть не по списку: и того, и этого...

Владимир Петрович пережил многих. Вроде и мужики пришли старше меня, а оказались детьми друзей покойного. Мне особенно понравился сын бывшего главного инженера, Петр. В свои шестьдесят два он выглядел чуть взрослей меня. Все смеялся моему удивлению да шутил: мол, кто со слюдой общается, тот подолгу живет... Батя его умер, как и Быков, за девяносто.

Когда на улицу курить с ним за компанию выходил, узнал, что Петр никогда не работал на «Руде». Поинтересовался: а как же он тогда со слюдой дело имел? Тот помолчал-помолчал, да и рассказал... Сначала я вполуха слушал, думал, кто на пьянке чего интересного поведает, а потом увлекся.

Убедился в очередной раз, что странное место – Слюдянка. До революции тут каторга была. Дорога «Кругобайкальская» с тоннелями и утонувшее в Байкале золото Колчака. Ручьи с самородками. Трагедии да легенды, но это истории давние, мало кто сейчас знает, например, о «польских повстанцах»...

Батя Петра работал в шахтах до самого их закрытия и таскал его под землю еще пацаном. Однако в конце шестидесятых, когда Москва впервые подняла вопрос о прекращении деятельности рудника, направил сына учиться на железнодорожника. Как-никак, Слюдянка – станция узловая, а значит, и работа всегда будет.

– Но я все время к отцу на работу бегал, – рассказывал Петр, выдыхая горький табачный дым. – Все манили меня эти кротовьи норы, там же целое государство под землей отстроили.

Мы сидели с ним во дворе на лавке и добивали прихваченную со стола бутылку водки.

За дощатым забором засыпал тихий городок. Лишь иногда доносился рев дизелей дальнобойщиков, идущих по федеральной трассе на Иркутск или в Улан-Удэ.

– Недоговаривал батя, – Петр рассматривал первые проклюнувшиеся звезды. – Всегда чувял я, что есть там интерес, и когда шахты закрыли, одним из первых стал под землю нырять. Казалось, вот-вот нащупаю неизвестность эту, может, даже и золото, но лишь поделочные камни и находил. Отец сердился, когда показывал ему, и орал, чтобы не совался. Особенно когда речка Слюдянка по шахтам пошла. Но ничего, крепи в штреках еще долго держались. «Подземлю» закрывали вместе со всем оборудованием и кабелями. Кто смелый вроде меня, сразу потащили оттуда электродвигатели в свое хозяйство. Когда же в восьмидесятых цветной металл стали принимать, все и началось.

История оказалась жуткой. Рудоуправленцам никак не удавалось заделать все входы и выходы в закрытых шахтах. Причудливая сеть лабиринтов и шесть незатопленных горизонтов манили авантюристов не только из Слюдянки. А внизу все делилось на участки.

Дети инженеров и рабочих, да и сами бывшие шахтеры, сбивались в дикие бригады и тащили на поверхность все, что только можно. Залетные появлялись нечасто, но конфликты уже пошли даже среди бывших товарищей.

Началась золотая лихорадка. Десятки километров силовых кабелей представляли собой лакомую добычу.

Никого уже не интересовали золото или драгоценные камни, да и в чем смысл, если вот они, деньги. Сдирай со стен, обжигай либо срывай оболочку – и вперед, на пункты приема.

Кто первым расшатал крепи на территории соседей и организовал конкурентам обвал, никто не помнит, но именно тогда спокойная жизнь закончилась. Лес рубят – щепки летят... Сколько жизней загубили под землей, скорее всего, узнать теперь не удастся. Война станови-

лась изобретательной. Подпиливали и расшатывали листовничные лестницы, которые в сырости шахт могли простоять не меньше, чем в Венеции. Ослабляли крепи. Изобретали ловушки.

Однако попадались лишь незадачливые. В ход пошло альпинистское снаряжение. Каждая команда делала себе под землей тайники с запасами продовольствия и шанцевым инструментом. Если завалит – будет чем откапываться.

Потом начались фокусы с вентиляцией, противника душили дымом полимерной кабельной расщетки.

Кто первым придумывал очередной фокус, тот и отвоевывал территорию и слюдянский «золотой запас».

Когда начался прием черного металла, произошел еще один всплеск и добавились новые трагедии. С близлежащих горизонтов вывели все ценное подчистую, а ведь там, в «подземле», стояли на рельсах и вагонетки, наполненные слюдой, и даже тепловозы. Закрывали-то шахты в семидесятых. Ничего не демонтировали и наверх не поднимали...

За стол переговоров так и не сели. Подземные войны нарушили привычный уклад. Теперь на поверхности обсуждали в основном ситуации из-под земли. Поминали недобрым словом вчерашних конкурентов.

В сиюминутном порыве никто и не подумал, что можно использовать шахты для экскурсий или спелеологов, а теперь было поздно.

Иной раз по городу ползли слухи о заблудившихся или заваленных туристах. Но люди из-за войн очерствели и не переживали, если не касалось лично.

Доступный металл заканчивался. Большинство дорог на нижние горизонты разрушили. Знающих географию шахт оставалось все меньше.

– Я и сейчас там куда хочешь пронырну, – закончил историю Петр. – Только зачем? Пенсия у меня приличная, уходил с начальника депо, да на приварок из шахт дом построил, не хуже, чем спиртовики.

Действительно, Слюдянка пестрела небольшими коттеджными поселками.

«Прямо как у Ильфа с Петровым, – задумался я. – “Богатство тещи не исчезло, оно просто превратилось в клуб железнодорожников”». Так и здесь, все оставленное государством в шахтах перешло в иную область ценою человеческих жизней...»

– Знаешь, почему я живой? – спросил Петр, будто услышав мои мысли.

– Ну?

– А я в войнах не участвовал. Нет на мне крови... Потому и дом стоит, и дети в порядке. У меня еще там, – он потыкал пальцем себе под ноги, – транзитные маршруты заготовлены, так что я любой завал обойду и наружу выберусь.

– Потому и народу на поминках мало? – пришла мне в голову неожиданная мысль.

– Ну да. Кому же захочется за одним столом с душегубами сидеть? А потом, они все сейчас на мели и ненавидят окружающих люто. Позови, и спокойно не посидишь... Они даже не понимают, почему им так плохо.

– А много таких?

– Ну, из самых активных почти никого не осталось. Кого в шахте не прибрали, тот сейчас за грехи свои мучается. Ты подумай, – наклонился он ко мне, – только я знаю душ двадцать, загубленных там, внизу, и ведь почти никого не нашли. Так и числятся они без вести пропавшими. Все предполагают, кто да что – а с кого спросишь? Лежат они сейчас где-то на горизонтах затопленных...

– Мистика, – проговорил я, пытаясь избавиться от навязчивого видения залитых ледяной водой шахт, где ворвавшаяся туда однажды речка Слюдянка собирает в одном месте упокоившихся врагов.

– Да уж, мистика, – согласился Петр, разливая остатки водки по рюмкам. – В прошлом году эмчезовцы двух спелеологов вынули из завалов, так они в помешательстве оказались. Все

про тени какие-то говорили, что из стен выходят. Умерли окончательно шахты... Кладбище теперь там. А скольких еще погибель ждет?

– Послушай, Петр, а как ты считаешь, действительно тебе батя чего-то не рассказал, или домыслы это твои?

– Не знаю, – ответил тот, допил рюмку и закурил. – Вот ты с Петровичем общался, у тебя не появилось ощущения секретов?

– Было, – твердо ответил я. – Но напрямую не спрашивал... Он бы меня не понял.

– Вот так и я, поинтересовался у бати пару раз, а после смерти весь личный архив по косточкам перебрал. Давай пей, – пододвинул он рюмку по лавке, – идти пора.

Я опрокинул в себя водку. Приятное тепло вернуло меня к действительности.

– Ничего я в архиве том не нашел, – вздохнул Петр, отправляя щелчком окурочок за забор. – Но есть там что-то. Наверное, берег меня отец, и не зря – сколько ситуаций-то было... Эх, прости меня, старый, завтра же к тебе на кладбище поеду.

Он попрощался с Сергеем, с супругой Главного Геолога, и я предложил Петру подвезти его до дома, но выяснилось, что живет он рядом, как и большинство работников рудоуправления.

За столом осталась только родня.

– Я тебе в комнате постелю, – предложил Сергей.

– Да вам и самим места мало, – засуетился я. – Я уж лучше к Маркиным поеду. Старший, Санька, как раз сегодня там.

– Ты звонил ему?

– Ну да, ждет.

– Тогда пошли к матери, – сказал Серега. – Она хотела тебе завтра архив отдать, но, наверное, сегодня получишь...

Увлеченный разговором с Петром, я только сейчас вспомнил о завещании и сундучке. Прошли в залу.

Лидия Иннокентьевна, узнав, что я собираюсь ночевать в другом месте, сначала заохала, а потом, видимо, прикинула количество ртов и сменила гнев на милость.

– Ну что, внук Венского, – сказала она, – не просто так ты появился в нашем доме, да и я на улицу Пшеничную в соседи с твоей мамкой не случайно угодила в свое время. Владимир Петрович знал кое-что, но не говорил даже мне. Какие уж там, в сундучке, секреты – неизвестно, да и не интересуется это меня. Шахты много жизнью унесли, а сколько еще унесут, один Бог знает. Я сама хоть и геолог, но никогда их не любила. Это мой Володя трудился, как гном и рудознатец, не покладая рук. Секреты эти, скорее всего, давние. Там за сорок лет работы много чего происходило. Когда он меня о предках твоих в последний год расспрашивал, поняла я, что задумал старый думку какую-то, но не вникала. Потом он сам рассказал, что был связан сначала государственной тайной, а позже забоялся, что Серега в «подземлю» полезет, поэтому и молчал. А тут ты явился, но ни одного постороннего вопроса не задал – все слюду тебе подавай да отвалы. Ему это нравилось...

– А про что еще спрашивать? – начал было я.

– Сиди уж, – махнула рукой Лидия Иннокентьевна. – Вижу, как глаза у тебя горят, а вот что от ненужных вопросов уберегся, хвалю. Мне главное, чтобы вот он туда не совался, – указала она на Сергея, – а что уж там Петрович написал – не знаю и знать не хочу.

Я молчал.

– Так обещаешь сыновей моих не привлекать к завещанию? – спросила душеприказчица.

– Мама, – заговорил Сергей.

– Молчи! – жестко остановила она его. – Обещаешь, внук Венского и сын матери своей?

– Обещаю, – твердо сказал я.

– Ну, забирай тогда, – поднялась с застеленного ковриком табурета хозяйка дома. – Сергей тебе до машины донести поможет.

Оказалось, что это и не табурет вовсе, а укрытый гобеленом сундучок с коваными ручками.

– Забирай, а захочешь с ним говорить на эту тему, – ткнула она пальцем в сына, – так сначала со мной!

4. Р. Пашян

Отогнал воспоминания и решил в подробности больше не вдаваться, но подготовиться. Если честно, то вовсе не нужен мне этот толстяк. Сорвался он тогда от нас, ну и пускай... Переболел я, похоже, неудачей той. На статусе и авторитете история не отразилась.

Леваша мой огорчается не больше чем на пять минут. В Канске тогда послушал мой рев, дождался, пока успокоюсь, и предложил дальнобойщиков на ночлеге пощупать. Славно отработали. На выезде да экспромтом дела всегда хорошо идут.

Местных пацанов привлекать не стали и задумками не делились. Как-никак, их территория, глядишь, и льет кто воду на мельницу местных мусоров, так что вдвоем мы решили гусей потрошить.

Подняли тогда хорошо, даже Леваша не являлся на глаза ко мне пару недель. А паренек добытое лаве тратит с размахом, если девчонка рядом какая приبلудилась, так и в грузинского князя может поиграть...

Славный у меня партнер – почти восемь лет вместе. Даже первая седина у пацана появилась, но не от переживаний. Наследственное. Его дядька в таком возрасте уже как лунь ходил, а этот только так, побелел чуть.

На сегодня у нас работы не было, но взволновали меня таки московские старшие братья. Умеют воры пошутить так, что и смех и грех, или вопрос задать, что правильного ответа не найдешь, как не ищи.

«Интернетом, гляди, пользуются, – рассуждаю, – ссылки шлют... Самим уже за семьдесят, а все как мальчишки. Не удивлюсь, если они и эсэмэсками переписываются не хуже молодежи, – переворачивается мир...»

Звякнул сотовый – Леваша проверяет, сплю или нет. Стоит отозваться, сразу на трассу потащит... Все как тогда, пару лет назад. «Или стогнать-таки в Иркутск? – задумался я. – Цинкану сейчас товарищам-соплеменникам, и прокоцают они мне этого паренька за пять минут... Хотя не стоит. Неизвестно еще, о чем воры попросят, может, придется босиком территорию топтать, не обозначаясь.

Сейчас Москва проснется, и позвонят-скажут: а не хочется ли вам, товарищ Роин, посчитаться с юношей, а то вы что-то расслабились. Вот, козлиная, написал же рассказ!»

Злюсь и понимаю, что не случайно москвичи на историю эту наткнулись, совсем не случайно – ждать теперь надо, что дальше будет. Леваша больше не стучится – подумал, наверное, что сплю. Решаю: раз уж проявился наш клиент таким необычным образом, читану истории его внимательно.

«Поизучаю, – думаю, – там, глядишь, и определюсь. Попробую в шкуру паренька залезть. Мыслишки его пошарю. Рассуждения».

Два часа убил и понял, что не хочу ехать. Багаж житейский у парня немаленький. Мне особенно повесть одна у него понравилась – про воров в законе. Название-то подобрал интересное: «Воровской ход». Был, оказывается, в Иркутске вор по кличке Бандит, и поехал он с товарищами в начале девяностых Владивосток покорять... А тем, кто не знает, там по воровской части дальше Уссурийска делать нечего.

И хотя команда у него подобралась отчаянная и город восточный парни развернули на себя за пять минут, но только преследовали их все время неудачи. Ошибочку к тому же ребята допустили: поставили положенцем человека недипломатичного. Боксера... Вот он им и нарулил.

Сильно меня конец истории цепанул. Похоронили парней под городом Иркутском. Получается, первый иркутский воровской мемориал самого начала девяностых.

И поклялись друзья верные мстить до последнего и даже места себе рядом на кладбище оставили... Но никого пока так и не подхоронили...

История, конечно, реальная, к бабке не ходи.

«Паренек на своей мусорской работе, видимо, немало крови братве попил», – подумал я и понял неожиданно, что есть у москвичей к нему счет какой-то. Давний счет. Залез он, наверное, когда-то не туда, а сейчас ситуация и созрела.

«Так-так-так, освободился, что ли, кто? Кого устроил паренек в тюрягу в старые времена? Вариант, конечно, но не воровской это размерчик. Мало ли кто кого свободы лишал? Если со всеми старыми ментами разбираться, так никакого времени не хватит. За идею тогда работали, так что любого бери – и сразу под нож. Но резать скорее будут нынешних мусоров. Эти уж точно в войнушку с собственным народом заигрались. Вон по супермаркетам людей отстреливают спьяну. Ну? И до чего я додумался?»

Сплошные вопросительные знаки, и на ум ничего не идет, но понял я: искали урки в сети именно его. «Вишь, – думаю, – какая неудача – собственный ресурс иметь, да еще рассказы на такие сюжеты писать. Не повезло пареньку...»

Пока возился, обед подошел. Решил в офис сгонять, но тут Леваша на телефон мой опять в атаку пошел.

Не выдержал я: а вдруг что не так? И трубу беру:

– Алло...

– Каркимарджус! Проснулся?

– С тобою поспишь...

– Валым на работу! День-то какой! А? Чего спать...

Чуть не ответил ему: «Частим, брат», а самого волна накрыла, странная такая, и в секунду я понял, что такое французское дежавю. Был уже такой разговор! Факт, был. Ныряю в компьютер. Открываю рассказик евонный про нас. Точно – слово в слово!

Мысли мечутся, не знают, на какую сторону свалиться, а Леваша как чувствует, не мешает. Висит с той стороны мышонком. Умеет молчать пацан. Когда ждем кого, может и несколько часов воздух не шевелить. Иной раз закемарю, так просыпаюсь с ощущением, будто один я. Ан нет, сидит, глазами голубыми зыркает.

А мне не до разговоров сейчас. Чую, тянется петля. Даже шею потер, так явно привиделось. Кубики в голове валяются-валяются, да беспорядочно так. Разозлился – сколько же менжеваться можно?

Наконец решился:

– Леваша, давай в офис. Разговор есть.

– Чэрэз скока? – спрашивает.

Ни грамма удивления в голосе.

«Настоящий абрек», – оцениваю.

– Через час.

– Давай.

Даже Людочка-секретарь настрой мой уловила.

– Случилось что?

– Всем нам случается родиться когда-то, Люда, и это неоспоримый факт, а все остальное – по ходу пьесы.

Разулыбалась. Значит, порядок: не прочухала состояние мое. Это хорошо. Сейчас Леваша придет, а у того нюх, как у горного барса, хотя ему теперь и самому думок хватит. Он-то мистику отмечает сразу.

Твердо стоит паренек. Уверен в одном: мы главные, и мир этот – наш. Вот и поглядим.

Я, когда на всезнайстве его ловлю, тут же вспоминаю фразу одного сидельца: «Такие вы умные. Но потому, что не знаете: самый умный – это я...»

Говорить пареньку моему что-то бесполезно. Не верит ни в бога, ни в черта, а лишь в собственную удачу.

– Вот удивлю я тебя, – бормочу и компьютер открываю.

Леваша в контору ввалился на кураже. Выбрит до синевы. Подстрижен. Очки темные, прямо как из шпионского боевика.

Снова меня дежавю накрыло. Листаю на нужную страничку рассказа и читаю:

– Ты че, на свиданку собрался?

А партнер мне прямо по тексту:

– Сам гаварил, клиенту должно быт пррятно...

Ну уж тут не утерпел я. Подозвал его к компьютеру и носом ткнул. Гляди, мол, абрек, гляди и радуйся. Тот ничего не понял сначала. Глазами только захлопал и давай проверять, не я ли это пишу прямо сейчас. Когда сообразил, что нет, – задумался. Не любит пацан задач без ответа. Сидит и даже кофе себе не заказывает. А я ему фотку свинорылого вывожу аккуратненько на экран. Тут уж парнишка очками своими чуть не подавился, стянул их и ну дужку грызть.

Только и выдавил:

– Он?

– С утра люблюсь.

– Сам нашел?

– Если бы...

У моего свана ум за разум заходит. Гляжу на него, бедолагу, и понимаю, что рушится у него сейчас привычный мир. Глаза потускнели, модные очки свои изо рта не вынимает.

Кто принес новости, не спрашивает.

– Чего дэлать будэм?

– Ну, уж точно не работать. Ждать.

– Каго? – вытаращил глаза Леваша.

– Да не его, – ткнул я в экран, – Москву.

– Так это... – прояснился его взгляд.

– Воры, брат, – ответил я. – Воры. Их подача.

На связь старшие братья вышли только после одиннадцати по Москве.

Партнер мой за это время рассказик по слогам прочитал и задумался. Часа полтора молчал, а я не мешал. Не каждый день такое случается.

– Он что, калдун? – разродился наконец Леван.

– Сам в непонятках, – отвечаю. – Но теперь нам с тобой, брат, нужно серьезно подумать, прежде чем что-то предпринимать. Видишь, какой он прокоцанный...

– А имэна наши аткуда знаэт? – совсем уж по-детски тянет Леваша.

Чуть не взорвался, но удержал себя.

– Скорее всего, из мусорской части песня...

– Мы же не лавылысь ни разу...

– Вот и радуйся, что сегодняшние менты ленивые. Если бы эта рыба нами занималась, представь, что было бы...

Замолчал пацанчик, а я все на часы смотрю да почту проверяю, нет ли новостей. Первая пташка из столицы прилетела в пятнадцать часов по нашему времени. «Привет, брат, – говорилось в сообщении. – Как тебе мусорские истории?» Что я мог ответить, когда в цвет все? Молчу. «Что делать будешь?» «Думать», – отбиваю в тон им.

«Не придется, – высветилось на экране. – Свяжись со мной по этому номеру, все разьясню...» – и на монитор цифры валяются...

5. М. Птахин

Друг студенческих лет Марыч всегда был неисправимым оптимистом и, как все Александры, опекал окружающий мир, не задумываясь, надо тому это или нет.

Мы учились на одном курсе, а благодаря нашему разгильдяйству и академическим отпускам – дважды.

Общаясь с этой семьей из небольшого городка, я понял, насколько талантлива Россия. Каждый, начиная с родителей, оказался уникален.

Крепкое хозяйство. Необыкновенно музыкальная и технически одаренная семья. Вспомнилось, как мы удивились с женой, услышав впервые Сашкин коллектив в ресторане «Хамар-Дабан», как дурачились, катаясь на самодельном тракторе по окраинам города еще в восьмидесятых.

Много воды утекло. Теперь мы и сами стали дедушками. Марыч – два раза.

Меня он, конечно, не ждал. Я гость редкий, хотя каждый раз, проезжая Слюдянку по федеральной трассе, выделяю время, чтобы заехать, но пересекаемся больше в Иркутске.

Собаки во дворе не оказалось. Семейный дом, построенный почти тридцать лет назад, потерял былой лоск, но по-прежнему стоял, зарывшись в каменистую почву.

Я попинал калитку. Лампочка, затаившаяся под коньком, вспыхнула, заставив зажмуриться, в доме загремели двери.

– Чего надо, Птичкин? – закричал с крыльца Санька.

«Надо же, вспомнил», – усмехнулся я своему студенческому прозвищу.

– Пусты переночевать, я же звонил.

– На тебе, удивил звонком. Ты всегда звонишь, а вот приехал, наверно, лет за десять впервые.

– Мы же с тобой неделю назад в кабаке сидели, или не считается? Чего мне теперь, в машине спать?

– Как хочешь... Могу и пустить.

Он всегда такой. Воспитывает. Можно внимания не обращать. Сейчас заставит на гитаре играть и себя слушать.

Сундучок покоился в багажнике, обжигая тайнами при каждом воспоминании. Решил, что открывать буду в Иркутске. Отосплюсь и завтра же отчалию.

Грохнул замок, и в тусклом свете запыленной сороковатной лампочки предстал мой старый товарищ.

– Квартиру на Слюдянских Красногвардейцах не продали? – поинтересовался я, обнимая друга.

– В прошлом году... – Санька чуть отстранился. – Мебель сюда перевезли, тебе что, на любимом диване стелить?

– Ну да. Как сам? Водку будешь?

– Завтра вставать рано. Утром в Иркутск, так что давай ложиться...

«Крузака» загнали во двор. Без вечно гавкающих кабыздохов он выглядел сиротливо и угрюмо. Прямо как Санька со своим: «Чего надо?»

Душить меня гитарными откровениями он не стал, хотя музыкального добра в доме было с избытком. Пара раздолбанных акустических гитар лежала поверх кучи из останков барабанов.

– Помнишь? – кивнул в ту сторону Санька.

– Да...

Говорить не хотелось. Это были частички нашей жизни, причудливо переплетенные временем.

– Давай ложиться, мне завтра рано, – напомнил товарищ.

– Пару дней могу пожить? – спросил я, сообразив, что утром можно будет без помех покопаться в сундучке.

– Я тебе сто лет назад сказал: в любое время и на сколько хочешь, – ответил Саня. – Пойдем, покажу, куда ключи класть.

Нычка оказалась в шиферной выемке на козырьке бани.

Вернулись в дом.

– Белье там, – махнул рукой хозяин в сторону древнего комода. – Давай стелись, и спим.

Приснился двор Санькиного дома. Живой кабыздох злобно тьявкал, натягивая веревку, и падал на бок после каждого азартного прыжка. А мне кровь из носу нужно было оставить ключи там, где показывал Саня.

Изловчившись, я дотянулся-таки до выемки, но поскользнулся и грохнулся на пса сверху. Тот отскочил, взвизгнул и цапнул меня за руку. К моему удивлению, хватка оказалась несильной. Псина лишь слегка придержала меня зубами и проворчала:

– Миха, давай, я пошел.

Просыпаясь, я осознал, что это попрощался Сашка.

– Пока, – пробормотал я.

И неожиданно для себя добавил:

– Хорошая здесь получится база...

Сонный морок снова навалился на меня, однако странная фраза, произнесенная в полудреме, заснуть не дала. «Какая база? – ворочалась в голове смутная мысль. – Я что-то упустил?» Ответа не было. Сон так и не пришел. Я открыл глаза и уперся взглядом в бревенчатую стену с обрешеткой под штукатурку. Перевернулся на спину. Диван жалобно заскрипел пружинами, нарушая колдовскую тишину, которая царила в этом потаенном уголке.

Ни шума машин, ни голосов за стенкой... Ничего.

«База, – сел я рывком. – База... Что-то предстоит, чего я не знаю?» Новых мыслей не появилось.

Подумал, что совсем неплохо быть хозяином самому себе. Вот сейчас могу пожить здесь пару дней, отоспаться в тишине, и в окружающем мире ничего не поменяется.

Вспомнил про подозрительно молчаливый сотовый. Оказалось, поставил его на тихий звонок.

Непринятых два. Мать и жена. Перезванивать решил после, как занесу в дом сундучок.

Вышел во двор. Тишина до звона. Неожиданно понял, что именно в эдакой тиши я хочу покинуть этот мир. Мысли о смерти обычно приходят ко мне перед какими-то событиями.

«Второй признак? – отметил я. – Сначала база, теперь желание умереть в тишине. Что третье?»

Я нажал на кнопку брелка. «Крузак» пикнул и моргнул поворотниками. «Интересно, что меня ждет, и почему Лидия Иннокентьевна так беспокоилась о Серге? Знала что-то?» Сундучок стоял на заднем сиденье. Высокий. Недаром я принял его под ковриком за табурет. Я цапнул его за ручки и с трудом вытащил на улицу. Ставить на землю не хотелось. Сначала даже не понял, почему пытаюсь быстрее спрятать добычу от посторонних глаз, и только затащив на дощатое крыльцо, задумался. «Странно, – рассуждал я, усаживаясь рядом. – Чего это я так осторожничаю?» Ответа не было, и я решил, что это третий знак.

Оставалось открыть крышку, но я почему-то медлил.

Досадные мелочи, на которые простой смертный не обращает внимания, в моей теории закономерностей занимали главенствующее место. По незаметным совпадениям я всегда понимал, что стою на пороге событий, которые скоро понесутся со скоростью курьерского поезда.

«Другого не дано. Случайные закономерности живут и опережают тело несущейся где-то ситуации, как воздух, который разгоняют перед собой поезда метрополитена».

Знаки. Их не замечают лишь слепцы, которых в этом мире большинство. Сундучок молчал, но я знал точно, открою – изменится многое. Какой-то процесс уже шел, а мой мир лишь готовился встретиться с ним, изо всех сил предупреждая меня: «Будь осторожен».

В том, что сундучок примет участие в игре, я теперь не сомневался, вот только в какую сторону меня потянут?

«На благо ли мне это наследство? – задумался я и неожиданно рассердился. – Открывайся давай!» Протянул руку.

Крышка откинулась с легким стуком, обнажая стопку прошитых рабочих журналов и опись, приклеенную с тыльной стороны.

6. Р. Пашян

Все оказалось, как и думал. Можно было и за пару минут пояснить, но протрепались больше получаса.

Старшие фаршировать мне голову долго не стали. По всему завороту становилось ясно, что правильно не стал я землякам звонить. Придется, видимо, нам с Левашей поизобретать чего.

Ответили не воры, а их парняга, который этим кабаном иркутским занимался. Урке же хватило пяти минут меня в строй поставить.

– Получишь денег, – сообщил он, – десятку баксов, и заделаешь для меня этого пассажира начисто.

Я аж воздух выдохнул. Ничего себе. В душе полагал, конечно, что сейчас будут навязывать поездку за свой счет, но если это оплаченная работа, то с радостью – совпадение интересов, господ, совпадение интересов. Сумма генеральская. Таких денег за обычных пассажиров не платят, а значит, и задачка будет непростой.

Так и вышло.

– Громкая смерть не нужна, – продолжил московский зубр, – парень сейчас с «Олимпстроем» завязан. Искали мы его сначала не таясь, а базары и утекли, куда не надо. Просило меня руководство пока его не трогать, а, с другой стороны, я уже сестре пообещал разобраться, так что придется тебе, Роин, несчастный случай ему организовать...

Загрузил меня старый и трубочку своему парняге передал.

Тот, когда говорить начал, в голове моей слова о несчастном случае ворочались. Первые минут пять и въехать толком не мог, про что инструктор с той стороны базарит. Но с середины истории сообразил, что задачка легкой не будет.

Паренек рубоповцем оказался, да не из простых. Много чего они тогда, в девяностые, начудить успели. Как я и думал.

Для начала, в девяносто третьем году, переворот организовали всей преступной власти иркутского управления. Как выяснилось, там грузины наворачивали, так вот они одного развенчать умудрились, второго кто-то убил в девяносто четвертом. Потом в этой мутной войне прибрали местные блатные еще двух залетных грузинских урок. А под конец этот свинорылый умудрился закрыть молодого езидского вора, а того осудили на пятилетку.

Так-то мента можно и благодарить. По всему раскладу виделось, что и наш земляк в этом водовороте жив бы не остался. Но тут родственные дела примешались. Освобождали его в свое время через Тбилисскую крытую. Переводили туда всех, кто на территории Грузии родился, – была такая лазейка в законе. Паренек как раз в Улановке раскрутился на восемь. Конвоира порезал. Перевели его в Грузию, а там вчистую освободили, и поехал парнишка обратно в Иркутск. Чего уж он там начудил?

Осудился по вымогательству на пятерочку. Я после прибрал, что свинорылый ему судьбу не сильно-то и поменял. С учетом срока по Улановке освободиться ему было в девяносто девятом, а после клещей рубоповцев – так же. Так что вся комбинация с переводом в Тбилиси – зря.

Частенько такие ситуации бывают: сначала освободят близкого из плена и радуются, а потом винят кого-то в его смерти, не думая, что он сам все проблемы соорудил. К отсидкам философски относиться надо: ведешь преступный образ жизни – будешь сидеть.

Я вот постоянно пытаюсь судьбу обмануть. На дела часто не бегаю, хотя помалу не щиплю. Может, поэтому и рекордную сорокалетнюю отметку в нашей профессии пережил на воле? Мало у кого это получалось.

Картинка внятная рисуется: привезут нам через пару дней десяточку баксов, и поедем мы с Левашей в соседний регион несчастный случай устраивать.

Я даже загрустил немного. Поделился сомнениями с Москвой, но меня успокоили: мол, паренек этот громкий. Почти московский чиновник. Если не в командировках, то живет по месту прописки не таясь. Так что все как на ладони. Машину, если надо, грузины из Ангарска организуют, но я решил на своей «хонде» ехать. Проверено.

А тут и почта из Москвы подоспела. Все как есть. Адрес. Рожа евонная с гитарой. Досье... Читать сразу не стал. Оставил на вечер. Леваше пока подробности ни к чему. Парнишка сейчас единственным огорчен, что на трассу не поедем сегодня.

– Ничего, брат, – утешаю, – получим московское лаве, заделаем дело, да так разгонимся на иркутской земле – чертям тошно станет.

Заулыбался братишка. Спрашивает:

– А если па дороге пошерстыть каго?

Поясняю, что не стоит:

– Вдруг угорим, не сделав, о чем старшие наказали? Вот то-то. Отработаем несчастный случай, отчитаемся честь по чести, а потом хоть потоп.

Настроение у Левашки сразу лучше стало. Завспоминал, как мы тогда на выезде до Канска два года назад на трассе с водил шерсть сдирали. Пофартило тогда. На экспедитора напорились, что караван с паленой водкой сопровождал. Денег – целый мешок. В кофейне их срисовали. Крепкий такой парень за главного, портфель на коленях. Леваша еще волюну у него под курткой углядел, и ясно стало: вот он, нашенский куш.

На рожон переть не стали. Вдруг у них отписка от кого из блатных? Несолоно хлебавши уходить нет резона, да и рожи лучше не светить.

Оказалось, на восток они шли.

Пробацал просто – подкатил поинтересоваться, есть ли менты по трассе в сторону Красноярска. Манеры у меня интеллигентные, акцента нет – никого не насторожу. Парень толково все объяснял и, хоть внешне спокоен был, сам глазами высверливал.

Четыре фуры с ним отошло. Он на хвостовой устроился – «вольво». Самая модная, салон в ней – будто купе пассажирское. Любил комфорт этот фраерок.

Мы сначала их отпустили, а Леваша перед стартом высмотрел через окошко, что портфель гусенок под сиденье свое сунул. Прямо под задницу.

Упали на хвост и пошли понемногу – метрах в трехстах. Такой тихой погони у нас давно не было, а парни не спешили. Разморил их, похоже, ужин, так что через пару часов они лагерем и встали.

С трассы ушли.

Когда мы в спецодежду переоделись и по лесу подтянулись на огонек, мне сразу Гойко Митич со своими индейцами вспомнился. Сильно хотелось на кураже заорать: «Повозки в круг!»

Встали ловко. Просмотр на все четыре стороны. Наверняка в каждой машине стволы лежат. Костров нет.

Парняга с портфелем как раз фуры обходил и с водами базарил. Потом в свою «вольво» полез.

Вот и все. Фуры, даже самые комфортные, сортирами не оборудуют. Так что через час-два на улицу кто-нибудь и выскочит. Подкрались к тачке. Устроились каждый около своей двери, и давай ждать. Первым водела вышел. Леваша вырубил его, и мы нырнули в салон.

Паренек-экспедитор проснулся, да поздно – у мальчишки моего ножик, как у Рэмбо. Он его к глотке тому и приставил.

Договоренность была – базарю я. С прибалтийским акцентом. На рожах маски.

Ультиматум зачитываю, а от тесака Левановского глаз не могу отвести. Самому страшно становится.

Портфель так и обнаружился в тайнике под сиденьем. Паренек такому раскладу сильно удивился.

Вопросов не задавали. Требование одно – лежать! И сразу в закрома. Пускай меж собою позже разбираются, кто информацию слил.

Паренек, правда, именами поковырял немного, да и понял, что срать нам на их папашек. Угрожать не угрожал, а только попросил отписку воровскую оставить: мол, в портфеле она, но этот фокус его тоже не проканал. Некогда нам в сердобольность играть. А может, там и сюрприз какой имеется.

Вырубил его Леваша рукояткой ножики в висок, и ушли мы в темноту.

Чутье меня тогда не подвело. Я нащупал возле замка портфеля что-то вроде картошки. Открывать не стал, а распорол с другой стороны тесаком Левановским. Так и есть. Полезь я в горячке за отпиской этой, не сидеть бы мне сейчас здесь. Там наступательная граната оказалась настороже, и не зря. Денег живьем полтора миллиона рублей и векселей Сбербанка еще на три лимона. Но тогда не до этого было. Ноги уносили.

Затарились в Богучанах и отлеживались почти месяц. Когда приехали в Красноярск, все полагали, что нас уже нет. Мы ведь «без никому» отчалили. Потом разные ходоки являлись да гости нечаянные. Все присматривались, вынюхивали. Хвосты по делу той искали.

Я тогда Леваше лишь пару соток из его доли отдал. Изображали для окружающих, что по крысовой отработали. А парнишка мой за пару недель гулянок снова пустой остался. Молодость.

Закончили воспоминания, и попер я домой, досье по свинойрылому читать. Еду и сам думаю: «Что же там еще интересного имеется?» По всему выходит, непростой парняга. Тут и «Олимпстрой» тебе, и работа Москва – Иркутск. Шухер этот с несчастным случаем...

«Ну, – думаю, – там видно будет».

Дочитал уже в первом часу ночи. Паренек – семи пядей. Он после увольнения в девяносто четвертом частным детективом стал и перекрышевал почти полгорода. Причем в общак ничего не платил, а заделал фонд содействия РУБОПу, и никто из блатных к нему не лез. Заезжал пару раз под арест, но ненадолго. Несколько раз в розыск объявлялся.

К вора в Грузию ездил в девяносто седьмом. С урками славянского крыла работал. Короче, хоть книги пиши.

Самым забавным оказалось то, что числился он в настоящее время, невзирая на «заслуги» перед родиной, пенсионером МВД. Со всеми регалиями и льготами. Означать это могло только одно: какое-то спецподразделение, а гусик наш из позапрошлого года – казачок засланный.

Теперь ясно, за что воры так расщедрились и почему на несчастном случае настаивают...

7. Р. Пашян

Прошла неделя, а денег из Москвы не было. Леваша в гости забегал несколько раз и все глазом голубым косил. Чую, еще пара дней, и завоюет мой абрек обычное: «Пошли на трассу». Решил не ждать. Нет денег, а значит, и контракта нет. Этих зубров московских не поймешь. Может, затравили на приз, а теперь инициатив ждуть? «Не выйдет, – решил я, – воровское – вора́м, а я, как-никак, фраерюга самостоятельный и долгов за мной нет... Мало ли кому и что пообещали? Прибудет лаве – буду собираться, а насухую не проканаает... В конце концов, мне коллектив надо кормить».

Пацанята мои – моя надежда. Каждого как родного воспитал.

Преемник, конечно, Леваша. Подрастет еще немного, стукнет ему сорокет, и он угомонится. Поймет меня, старого: почему так нельзя и эдак делать не стоит. Работать спокойно научится. С экспромтами перестанет частить да молодежь будет ремеслу обучать.

Мне как раз сегодня с утра отзвонились и сообщили, что набралась-таки в одном инвестиционном фонде изрядная сумма, и готовят ее теперь к отправке на ближайшие дни. Означать это могло только одно: независимо от воров обязан я эту делюгу закончить... Шутка ли, человека своего устроил в бухгалтерию вражескую полгода назад. Тетка проверенная, сколько набоев давала на крупные суммы. Всегда на хорошем счету по месту работы. Удачно дела с ней делаются – лет десять уж вместе.

Славная это штука – финансовые пирамиды. Разгоняться идешь, и не жалко никого. Там каждый клерк знает и понимает, что денег этих кровных простому народу больше не видать.

«Значит, созрела контора», – рассуждаю. Отправки у них начинались от десятка миллионов – хороший куш. Планчик имелся. Оставалось пацанят собрать да роли распределить. «Завтра попрем», – решил. И Левашу набрал. Пока тот пареньков искал, полез в Интернет.

Новостей от московской стороны нет по-прежнему, а мне это и на руку. Пошел я к свинорыльскому на страничку с рассказом. На сайт proza.ru. Пять человек «Поединок» вчера прочитали. Популярны мы. Пересматриваю записи, а самого так и подмывает черкнуть парняге отзыв: молодец, типа, верно ты просчитал нас тогда.

Злюсь сию.

Два года прошло, а все как вчера, и трасса эта ночная, когда мы в Канск молотили, и вахтерша, которой он звонил: мол, вещички оставил, приберите, позже заеду...

Вот она, кнопочка, торчит: «Написать отзыв». «А чего будет? – думаю. – Можно и поиграться...» Надавил. Зарегистрировался как «Ваня правильный». Пишу:

«Рассказ понравился. Написано со знанием дела. Прямо ощущаю разочарование преступников, когда вы их обошли. Я так понимаю, это реальная история?»

Сразу легче стало. Вот, оказывается, чего не хватало мне – побазарить с ним. Ну хорошо, если ответит, поболтаем. Потом присмотрелся внимательней – мать честная, а его уж несколько дней на сайте и нет... Листнул на «Одноклассников» – та же картинка.

Вот тебе, думаю, и польза. Паренек-то не в городе, так что все правильно – завтра разгон. Рвем куш – и на дно, в командировку воровскую.

Потом еще одно соображение пришло: поиграть со свинорыльским в Интернете – мол, буду в Иркутске, хочу встретиться и поговорить. Но мысль эту я отогнал. Паренек непростой, хотя, может, и клонет...

Как вариант напишу ему, что есть пара интересных историй – давай встретимся. Вдруг будет польза? Визуально познакомимся или на хвост упадем. Чую, понадобится еще нам Инет.

Тут в дверь позвонили. Леваша пришел, а с ним паренек из нашей дикой дивизии.

– Где Тристан? – спрашиваю.

– С Ызольдой, – ржет малыш. – Не в городэ он, скоро подкатыт.

Мага паренька зовут. Аварец. Крепкий, как дуб, и скручен будто из стальной проволоки. Я сколько ни примерялся, как с ним разбираться, если что, понял: только резать или стрелять. Но все это пустое. Пацан оказался стоящим, вот только нетерпелив, как и большинство мужиков до сорока. Зато лиричен. Земляка своего, Расула Гамзатова, почитывает. Поэзию...

Один раз попросил его вслух изобразить и пожалел потом. У них язык – что твоя трещотка. Самое показательное слово – лягушка, звучит как «кверк», только вместо «к» нужно треснуть совсем уж не по-человечески... А теперь представьте стихи – сплошное «кр, пр, фр». Сам тогда не ржал, хватило сил. А вот Леваша не удержался – чуть до драки не дошло... Но помирились как два настоящих абрека – обнялись и прощения сквозь зубы попросили. Я настоял. Давно заметил: первым прощения просишь, и вся муть от ссоры будто уплывает куда.

Тристан подъехал через час.

– Ну что, пацаны, – обвожу взглядом дружину. – Готовы шерсть сдирать?

– Всегда, – зевнул Мага. – Давно дэл хороших не было.

– А на месте сидеть не надо, – высказываюсь, – зерна нужно сеять, а потом и всходы собирать...

– Так где ты расклад цветной возьмешь?

– С раскладом и баран сможет, – отвечаю.

– Баран нэ сможэт, – противится Мага.

– Ладно, может не может, вот только я пытаюсь, чтобы поняли вы – хорошее дело готовить надо. Будто дерево растишь...

– Ты старший, – отмахивается Тристан, – тебе и решать.

Паренек наполовину азербайджанец. Образование высшее. Семья. Единственный, кто из нас официально работает. Боксерчик. Пацанов тренирует.

– Я и решаю. От тебя, Тристан, завтра грузовик с картофельными кулями – ты единственный с категорией «В».

– «Зил-131» подойдет?

– Вполне. С угона?

– Почти. Если спалюсь – простят. Дядькин. Комплект ключей на кармане. Закончим работу, замок зажигания, с понтом, разберу.

– А через грузовик на тебя не выйдут?

– Не родной дядька – друг отца.

– О,кей, – говорю, а у самого теплое чувство такое на душе. Понимаю, что дело шьется как надо.

Дальше тоже гладко пошло. У Маги на примете «девятинка» нашлась тонированная.

– Сосэдовская. Рожы нэту, а ходкая... Сигналки тоже нэт.

«Славно, славно», – потер я руки. Интересуюсь:

– А кто понял, зачем мешки нам?

– Картошку воровать, – бухнул Тристан. – Потом за полцены сбегрим...

Ржем... Только у Леваша взгляд понимающий. На прошлых денежных хранилищах лишь он из этой команды бывал. Вот уж прокололись мы тогда. Полагали, что хватит нам пары больших сумок, а денег оказалось – не унести.

Поснимали мы с себя штаны да куртки. Гачи с рукавами завязали и давай туда пачки трамбовать. Так прямо в плавках с разгона и уходили. Врагу полхранилища денег оставили.

Нынче куча опять большая, а вымести кладовую я решил вчистую.

Бухгалтерша так и сказала: «Не меньше чем на грузовик денег, разными купюрами». Ну что же – кто предупрежден, тот вооружен. Грузовик и картофельные кули в самый раз подойдут.

Ребята, когда размах почувствовали, зашумели.

– Долы тоже кулями получать будэм? – прогудел Мага.

– Сам ответь.

– Понятна, – вздыхает. – Опять на тэбэ двести штук на нэдэлю...

– Мало?

– Гульнут ахота, – мечтательно сощурился Леваша.

– Пацаны, устал объяснять, – сержусь. – Давайте ваши крупные дела и делите, как душа попросит. Задумка моя? Да! Делю поровну, не жирую? Да! Чего не хватает?

– Грузовик денег? – Тристан глаза тарашит.

– По раскладу, да. Теперь надо отмашки дожидаться и расклада, как внутрь попадать.

Кочумали, наверное, часа три. В карты игра не шла. Стали кино смотреть. «Крестного отца». Любят люди фильмы о преступниках, как медом намазано. Простые граждане к этому сильно тянутся, потому как у каждого воровское в крови. Однако жить так решится не всякий, но, сколько народу я знаю, шансон все слушают. Подпевают тому же Кучину: «... вот взлетела ракета и упала за лесом...» Искренне так подпевают, а потом плачут, пьяные... Мишка Круг, покойничек, тоже башку народу «Владимирским централом» свернул.

Криминальная у нас страна, и прав Гумилев – отстаем мы от просвещенной Европы лет на четыреста...

Звонок. Бухгалтерша.

Показал, чтобы заткнулись, и трубу беру. Чую – полный порядок.

– Сегодня бухгалтера деньги к отправке готовят, – говорит разведчица моя. – Двое. Ночевать в хранилище остаются. Одна пойдет в шесть тридцать домой. Из офиса ее выпустит охранник, у которого на кармане переносная тревожка.

«Вот и все...» – кладу трубку.

Такого расклада, которым Тристан бредил, просто так не получишь. Головой надо работать и деревцем заниматься, пока плоды не пойдут – поливать, прививать, удобрять. Люди – они ведь как растения, подходец к каждому нужен.

Повернулся к ребятишкам своим. Оглядел их.

Сидят орелики. Ждут, что папа скажет. А что говорить?

– Танцуем, пацаны...

8. М. Птахин

Разбирать архивы – занятие увлекательное, то, что оказалось под крышкой сундучка, представляло ценность само по себе. Рабочие журналы Главного Геолога за тридцать семь лет работы. Полная история шахт в дневниках и схемах с планами.

Появились первые признаки золотой лихорадки. Чего, интересно, так боялась Лидия Иннокентьевна, получая с меня обещание не таскать с собой в шахту Сергея?

Позже обдумывал это состояние. Вспоминал «Остров сокровищ» и азарт заговорщиков, которые полагали: стоит ступить на землю, и дело в шляпе – клад найден.

Лихорадка, мать ее. Вместо того чтобы аккуратно выложить содержимое и спокойно рассмотреть, я выхватил из сундука стопку и принялся ее перелистывать, пробегая глазами страницы, исписанные знакомой рукой.

«12 февраля 1960 года. Поломка вентиляции на 6-м руднике. Электродвигатель переброшен из резерва с 8-го...»

«10 ноября 1960 г. Вернулись старатели. Бригада Кокшонова. Приступили к сдаче слюды».

«А ну-ка, мой день рождения», – решил я, открывая следующий журнал.

«14 марта 1961 года, – значилось там. – Опять проявил себя сероводород на горизонте 172 м шахты № 4. Работы по колонковому бурению продолжать нельзя, и это хорошо. Все сомнения насчет \$ можно оставить!!!»

Запись немного отличалась от предыдущих. Чем, не знаю. Может, написано более эмоционально, а может, просто разрешилась какая-то ситуация.

Пролистнул вперед-назад – ничего. Ровные строчки и разбор проблем «подземли». Хронология полная – ни дня не пропущено.

Взял 1962 год. Пусто. Такие же заметки с упором на геологические термины. Основное: оценка запасов слюды и спецрассуждения.

Неожиданно мелькнуло кое-что интересное.

«Рудник № 8. В карьере выбросило кристалл до 2 тонн весом». И сноски: «смотри # – (курьезы)».

Поискал в других журналах:

«# Полевой штрек гор. 120 рудник № 1. Одиночный кристалл флогопит. Цыганка 200–250 кг».

«# Шахта № 4. гор. 152. Жила № 64. Вскрыт кристалл размером по длинной оси 2,2 метра».

Подобных заметок оказалось немало, и мое чтение стало более системным. В шахтах шла настоящая война с катаклизмами. 1958 год: «Прорыв воды и затопление нижних горизонтов шахты № 4. Примечание: жертв нет. А. Небога спас сумконоса».

Создание проекта водоотливной штольни «Байкальская» и ее проходка на 1200 метров. 1962 год. Здесь же:

«Прим. По всем расчетам, еще 150–200 п. м, и все – можно класть лоток. Снова появились признаки \$. В бога не верю, но помолюсь, чтобы ошибка. Сильно не хочется полгода общаться со следователями. Хорошо хоть нет НКВД».

«НКВД? – задумался я. – Следователи? И что это за таинственный \$?» Стал шерстить журналы подряд. Прочитывал только #, но там лишь кратко описывались забавные случаи. Наверное, я представлял собой странное зрелище, окруженный бумагами, разложенными в беспорядке на застекленном крыльце. Поглядел несколько схем на кальке и понял, что без специалиста не разберусь.

«НКВД, – пришла неожиданно мысль. – Тридцать седьмой год». И я нырнул в довоенное время.

Загадочный значок появился в далеком тридцать девятом: «Повезло, что \$ не на моем руднике № 1. Все руководство уже у следователей.

К. – диаметром 2,5 м. В основном все не ч. в. и трещ., однако добрая треть хороша. Все в кальцитовый рубашке».

«К. диаметром 2,5 м, – задумался я. – Ч. в. и трещ. Ничего не понял». В следующий раз \$ оказался в 1947 году. Листая журналы и вдыхая запах старой бумаги, я невольно переносился вместе с автором записей в те незнакомые времена. Работалось в «подземле» по-разному. Владимир Петрович успел сходить на фронт, вернуться и теперь трудился Главным Геологом. Мелькали люди и события.

Я пожалел, что не поинтересовался фамилией нового знакомого, Петра. Глядишь, и его папаша – главный инженер – проявился бы где.

Вода продолжала свой неукротимый бег в Байкал, нарушая ритм работы шахт, а подземный город жил по своим законам. Невзирая на противодействие природы, условия улучшались. Тупиковые зоны соединялись с рудничным двором главной шахты. Появилась естественная вентиляция, в проходку подавались электроэнергия и сжатый воздух.

«Подземля» ширилась. Менялось и настроение автора записок. Для него оба города, подземный и сама Слюдянка, стали единым целым.

Я теперь понимал, к чему прислушивался Владимир Петрович, сидя во дворе в свои последние годы. Все ждал, наверное, гула взрывов или шума обогатительной фабрики с рудничными гудками.

Но в конце жизни ему досталась лишь тишина...

«1947 год. 12 ноября. Опять \$. Каверна небольшая, 800 миллиметров. Когда заметил вкрапления зелени в кальцитовом пятне потолка, хотел не трогать, но тут сунулся Козлякин и ткнул пальцем. Все посыпалось прямо под ноги. Оцепили. Вызвали НКВД. Создали комиссию. Хорошо, что присутствовал я. Авторитет – вещь незаменимая. Почти все экземпляры ч. в. Трещ. очень мало. Повезло и не очень. Следить теперь будут, наверное, год, хотя те, кто нашел \$ в 1942 году, и укрыли, еще сидят...»

«Каверна, – попытался я сообразить и понял, что без геологов не обойтись. – Опять ч. в. и трещ. Снова НКВД. Те, кто не сообщил, еще сидят...»

– Да что же это такое? – крикнул я в пространство двора.

Экскурс в историю Слюдянского рудоуправления сильно меня раззадорил. Неожиданно возникшая головомолка стучалась из прошлого, и, хотя ребусов я не люблю, тайна взбудоражила.

«Что за каверны? – ломал голову я, пытаюсь расставить все по порядку. – Тридцать восьмой и первая ласточка: К. 2,5 м... Каверна 2,5 метра? Скорее всего, да. Про таинственную находку у Владимира Петровича только упоминание, что укрывшие информацию еще в лагерях. Сорок седьмой – каверна 800 миллиметров, ч. в. и трещ. Ну, и что это нам дает?»

Зашуршал журналами между сорок седьмым и шестьдесят вторым, и вдруг попала еще одна запись.

«1956 г. 11 ноября 12:00. Взрывники Чебанов и Молдавский принесли образцы \$. Все трещиноватые и нечистой воды. Размер интересный, однако ценности не представляют. Только в коллекцию. Прошли на место. Парни молодцы, рассказали мне первому. От каверны ничего не осталось. Все, что было интересного, разлетелось в прах при взрыве. Создали комиссию. Зафиксировали. Материалы вместе с образцами отправили в прокуратуру».

Пролистнул дальше. Новая запись через неделю.

«Начались допросы. Чертовы \$. Надоело. Я-то знаю, что ничего интересного не было. Хорошо, не 37-й год, а то и не знаю, чем бы закончилось. Следователь смотрит волком. Если бы

не Никита Сергеевич и его послабления, забил бы меня, фронтовика, прямо в своем кабинете. А так пронесло».

До самого шестьдесят первого года в «подземле» шла обычная жизнь. Читая архив, я ощущал себя немаленькой ее частью. Узнавал ситуации, представлял людей, которые по крупицам строили под землю город. Наверху в Слюдянке – одно, внизу на неисчислимых рудниках, штольнях, штреках и горизонтах – другое. Все ждал, вот-вот мелькнет таинственный значок еще раз, ну вот он... Но нет. Мне оставался только журнал с надписью «1961» – годом моего рождения.

Есть не хотелось, хотя время было послеобеденное.

Мысленно я пытался совместить на одной планете своих родителей, себя у мамки в животе и неумолимо надвигающийся странный \$ где-то на отметке горизонта 172 метра.

«28 февраля 1961 г. Вечером домой зашел главный инженер и позвал на день рождения старшего сына Петра».

Запись была настолько необычной, что я, разомлевший на застекленном крыльце, встрепенулся. Владимир Петрович про жизнь на поверхности писал в своих рабочих журналах лишь в крайнем случае.

«Меня сразу насторожил его приход. Обычно веселый, он сейчас нес в себе какой-то секрет. Поинтересовался, в чем дело. Вместо ответа он достал из кармана и высыпал на тарелку горсть породы. Я присмотрелся и увидел в кальците необычно тонкий роковой оттенок. Поинтересовался: что, опять \$? Оказалось, про К. знает только он и теперь я.

Рассудили промолчать. Авось пронесет. Пятно совсем небольшое и в укромном месте, хотя после случая в 1947-м Козлякин как с ума сошел и во все кальцитовые пятна пальцем тычет. Жадность у них в породе. Не удивлюсь, если и Вовка станет таким же».

Последняя запись – как раз в мой день рождения, 14 марта 1961 года: пошел сероводород. Что случилось с горизонтом на отметке 172 метра, из записей неясно.

Выходило, что решение о консервации штрека с сероводородом и каверны с таинственным \$ принимал отец Петра. Как раз в 1961 году.

Понятно, что завещал мне свой архив Владимир Петрович не просто так. Но где разгадка? Вытащил и на скорую руку перелистал оставшиеся журналы. Ничего. Тогда я заглянул в самую глубину сундучка и увидел вполне современный конверт. Похоже, запечатан. Аккуратно вынул его, напоминая себе сапера. Внутри прощупывалось несколько листов. «Вот он, ответ», – сообразил я, неожиданно понимая замысел Главного Геолога. Он всегда был педагогом и шутником. Не прояви я активного интереса, так и лежала бы разгадка тайны полувековой давности, придавленная стопкой пыльных журналов.

Глянул на часы. Стрелки крались к отметке 16:00. Круто посидел. Понял, что хочу воды. Кушать. Позвонить другу-геологу. Сходить в туалет. Умыться. Водки. Выпрямиться из позы писца. Лечь. Может быть, уснуть. Переговорить с сыном главного инженера Петром и съездить еще раз на могилу к Владимиру Петровичу.

Единственное, что меня удерживало от всего этого, – послание, которое я зажал в руке.

Судя по толщине, внутри письмо от Главного Геолога, и я точно знал: там разгадка тайны странного \$.

Золотая лихорадка оказалась-таки сильнее всех желаний, и я, решившись, стал аккуратно распечатывать конверт.

9. Р. Пашян

Никогда еще я не был настолько в ярости. Такое дело – коту под хвост. А дальше? Полная неизвестность...

Если Мага с Тристаном выживут, как себя поведут, не знаю. Парни вроде и крепкие, но мало кто выдержит такие перспективы: срок-то от червонца и выше.

А как чисто вошли... Даже бороться ни с кем не пришлось. Пока в кустах сидели, я все о камерах переживал. Торчала одна, как прыщ, над входом. Слава богу, хоть не вращалась. Магомед с Тристаном по стеночке зашли в «мертвую зону» и под дверями устроились. «Тяжело на корточках, – раздумывал я. – Но ничего, потерпят – спортсмены...»

Сидят и с ноги на ногу только переминаются.

Раннее утро осенью – почти ночь. Хорошо, никто из ребятишек не курит – часами можно ждать. Глянул время. Немного остается – минут пятнадцать. Прилежались плотно. Сам себе придорожный камень напоминаю.

Дворик тупиковый – не ездит никто. Институт какой-то в аренду себя сдает. Но на всякий случай, от любовников одиноких или наркоманов-маршрутчиков, что по углам шпигуются, убрались мы с Левашей в кустики. Сидим теперь – природой любуемся. Благо не жилой массив здесь и нет этого жуткого запаха дерьма собачьего и обделанных деревьев.

Когда в микрашке любой будете, присядьте на лавочку и минут десять воздух понюхайте. Сразу всю прелесть обоняете, что любители домашних животных нам организовали, а если «повезет», то и перемажетесь...

Пять минут остается, три, одна. Светлеет. Маякнул парням – внимание, мол.

Мага ручкой тоже шевелит: типа вижу-вижу, понимаю.

Две минуты лишних прошло. Пять...

Грузовик за углом стоит. Хорошая тачка – никому из гайцов неинтересная. Кулями груженная – вдвойне. Кому захочется с крестьянами грязными общаться – нет там трудовых гайцовских копеек. Картошка – не пиломатериал, так что и здесь устроились в масть...

Чуть за своими мыслями начала не прозевал. Очнулся от тычка Левашино под ребро.

Смотрю, Мага руку поднимает: «Внимание!» значит. Ковыряют сейчас ключом с внутренней стороны, а как электронный замок пикнет и дверь пойдет – прихватят ее дружинники мои в четыре руки, и мы с Левашей в атаку рванем.

Створку спортсмены мои дернули так, что охранника на улицу вытащили. Там крыльцо из железа, ступеньки крутые, тот и повалился. Я на ходу маску раскатываю по голове, вольну ташу, а Леваша уже внутри. Как тень мелькнул. Молча. Тетке, что на входе, – чвак с ноги в живот, та и осела.

Орать нельзя. Еще одна тревожная кнопка внутри. Парни пленных скотчем вяжут, а мы по коридорам несемся, только кроссовки шуршат. Вот она, третья дверь.

Остановились, выдохнули – и внутрь. Тетки, что на диванах, кочумают, не спят еще после ухода приятельницы. Глядят почти без испуга. Типа ждали...

Осмотрелись. Все на месте. Трое. Как и говорили.

Ультиматум зачитываю:

– Лежать, не двигаться.

У Леванчика же акцент, а нам кавказцы в милицейских сводках ни к чему.

Двигаю к бухгалтерше:

– Ключи давай...

Та сопит и в происходящее не верит. Шок. Бывает. Жестко себя поведешь, может и обморок случиться.

– Милиция, – говорю. – Финансовый отдел Рубопа. Ключи от хранилища, пожалуйста.

Сообразила. Оттаяла немного и к сумочке потянулась, а потом:

– Можно ваше удостоверение?

– Позже, – говорю, а сам уже ридикюль цепляю и распоряжаюсь: – Проводите нас до хранилища.

Нельзя показывать, что знаком с обстановкой, ой нельзя. Дорога мне наводчица моя.

Тут абреки в масках заваливаются.

– Вяжите, – говорю, – остальных.

И мочалку за шиворот беру.

Та опять ничего не понимает. Правильно, милиция – не люди, спасибо телевизору!

Ведет коридорами. Вот и «Сезам». Настоящий банк. Потянул из ридикюля ключи. На пипку электронного замка брелок сую.

Открываем.

– Свет включите, пожалуйста.

Тетка щелкает выключателем. Мать честная, а при лампах дневного света картинка нештучная вырисовывается – пара грузовиков бабла, не меньше. Стеллажи, стеллажи, а на них – трудовые копейки обманутых граждан.

– Крупняк где? – спрашиваю.

– Зачем вам?

– Вяжите ее, – командую Тристану с Магой. – Сами найдем. Кули давайте и тачку к подъезду.

Полетели гуси. Пока пленных скручивали да за тарой бегали, я нашарил, что надо. Пяти-тысячных мало – больше мелочь народ негодьям тащит. Со слов бухгалтерши моей, какие купюры принесли, такие и увозят, не обменивая. Вроде как выдать такие суммы могут. Хреново, конечно, но для того и мешки. Пакуем. В первую голову – крупняк.

Треть запаковали, и кули закончились.

– Еще есть? – спрашиваю.

Тристан кивает.

– Валяй.

Вернулся почти сразу и без тары.

Шепчет на ухо:

– Менты на площадке.

Оказалось, выскочил он в спешке и чуть не в объятия к ним. Успел лишь «бобон» заметить и обратно заскочить.

Охранника поднимаю.

– Камера работает?

Он башкой трясет: да, мол.

– Где включается?

Кивает: на ноги ему встать надо. Махнул Леваше, и он скотч на ногах рэмбовским ножом своим распластал. Включаем. Точно, «бобон». Сидят. Курят.

Охранник показывает рот развязать. Леваша смеется и прямо тесаком на роже опричника скотч протыкает, самым кончиком.

Тот в дырку картавит:

– Это охрана вневедомственная. Отстой у них здесь.

Ясно. Жди теперь, пока они на заявку какую поедут. Вот непруха... Понимаю, что нельзя нам засиживаться.

Прибросил, какую проблемку им организовать, чтобы уехали, а на ум ничего не идет. Это раньше охрана другим службам помогала, а сейчас хозрасчет, господа, хозрасчет и капитализм.

Охранника обратно бинтуем, и принимаю я решение захватывать ментов.

Не ждут они такой наглости, ей-ей, не ждут, а нам всего ничего осталось: загрузить упакованное и минуток десять на зачистку...

Лучше бы я этого не делал, но уж слишком привыкли мы, что нет тех ментов, которые собой готовы жертвовать.

Дождались, пока один из экипажных по малой нужде из «бобона» полез, и выскочили.

Рассвет в утро осеннее острыми лучиками брызжет. Мы с Леваном водилу уазика берем, а Мага – того, который по нужде пошел. Кто уж он там оказался, этот перец, а только плевал он на мускулы и хватку абрековскую. Поломал его быстро и добил с локтя. Я как раз в это время водительскую дверцу дернул и мусору волюну в харю уткнул.

Леваша рядом. Ах, не сообразили мы, что вторая дверца у ментов запирается – они сюда задержанных иногда суют. Ковыряется товарищ мой возле нее, а там и ручки-то нет.

Тяну водилу за воротник из машины и вижу, как Магу мусор ломает. Тристан помочь ему не может, потому как за спиной у него остался, а тут из салона, с заднего сиденья, как шамальнут из «калаша». Быстро все произошло.

«АКСУ», – оцениваю по грохоту. Только он так гремит. Ствол короткий, заряд пороха на улице догорает.

Смотрю, Тристан за грудь схватился и оседает, а водила, которого я ташу, воспользовался замешательством моим и двумя руками за пистолет уцепился.

– Роин, еще мусора, – шепчет Леваша сзади.

Гляжу, а на площадку тачка гаишная заезжает, и навалилась тут на меня паника. Кто сказал, что менты овцами стали? Сюда уже полгорода наверняка летит. У гайцов же в машине рация-шмация. Секунды нам остаются, чтобы убраться. Ей-ей, секунды. О добыче или о помощи товарищам речи теперь не идет.

Дернул я на себя водилу и потащил под ноги. Пару раз по голове топнул, пока не хрустнуло что-то. Задержался он внизу... А тот, который с автоматом, разворачиваться начинает в нашу сторону.

«Ну, – думаю, – хана тебе, Роин», но тут Леваша через дверцу ножик свой ужасный в него и засунул. Прямо через железо.

Этот горный баранчик волюну на разгоны редко берет, все больше с кинжалом своим носится.

Похоже, попал он менту в самое мясо и как надо, потому что паренек мордой в стекло сунулся и вниз ползет. Ножик у партнера моего почти полуметровый, можно при случае и троих нанизать.

Как-то быстро все перевернулось. Только-только мы в дамках были, и на тебе... Случай поганый!

Гаишники из машины выбирают. Оба с пээмами.

– Стоять! – орут и в нашу сторону без предупредительных «бах, ба-бах».

«Ох...ть... А как же инструкции?» – мелькает в голове, а пульки рядом по уазу «цык-цык».

– Уходим, брат, – толкаю Левашу спиной в кусты, а сам по гайцовой тачке шамалить давай. Сильно меня это цыканье возле уха взбесило – чуть в штыковую не пошел. Закипела кровь.

Менты прыти убавили, за машину спрятались, и тут я увидел, как спортсмен, который Магу сломал, к нам вокруг «бобона» бежит...

Закончил тут я геройствовать, и встали мы с Левашей на лыжи.

Рвем кустами, летим гаражами какими-то. Волюну в колодец швырнул, а баранчик мой ножик в дверце так и оставил. Подвели его насечки модные на лезвии, которые пилу должны изображать... Застрял ножичек-то.

Бегу и думаю: «Ну и куда дальше?» Времени остается максимум час. У мусоров наши рожи почти наверняка есть, да и Магу с Тристаном как пить дать к нам привяжут...

«Только вперед», – думаю. И кричу себе: «Вперед, Роин!» – и как-то это жалобно у меня получилось. Раньше так перед дракой орал, а теперь смотри-ка, в побеге вспомнилось.

Перед глазами рожа свинорылого плывет, и понимаю я, что пошло все наперекосяк именно из-за этого козла. Второй раз его касаюсь, и второй раз проблема, хотя решеньице уже зреет: похоже, новые территории будем осваивать. Пока суть да дело, когти из города рвем, и главное сейчас – взять лаву с документами.

На все дела час наметил.

Высочили на дорогу, отдышались-отряхнулись, а тут и таксист рулит с желтым фонариком на крыше, шашечки и «666–666» на стекле. «Наша тачка, – думаю. – Кто нам поможет кроме темных сил?»

Махнул, а Леваше шепчу: мол, сегодня все по-честному – нам лишнее внимание ни к чему.

Водила резвый попался. Город только-только оживает, а машин ментовских – тьма. Гудят, моргают и все в одну сторону летят.

Сижу, о раскладе думаю. Из Красноярска надо хоть как вырваться и двигаться на Иркутск. Ворами о наших проблемах знать необязательно и о думках моих непокорных – тоже. Пускай будет, как раньше: вы воры, я фраер.

«Ничего, – думаю, – по самым скромным подсчетам, у нас с Левашей осталось почти три миллиона собственных денег, да пацанская полторашка. Нормальный ход... С такими суммами можно отсиживаться».

Вот и офис. Документы здесь, касса тоже. Шмоток не берем. Все по пути купим. Сейчас «хонду» возьмем – и ходу. «Эх, подругу жалко, – думаю. – Проснется она завтра, и нет меня. Ничего, дела закончим, обоснуемся, и вытяну я свою Мирьям. Хотя посмотрим, если Мага с Тристаном выживут, то и грив нужен будет, и адвокаты, да человек, в доску преданный. Самая ей роль. Деньги вышлю...»

Соображать соображаю, но, чую, обманываюсь. Девочка-то меня за правильного держит, ведь я ради нее офис этот затеял... Все пыль в глаза пускал, какой я крутой бизнесмен...

Таксиста тормознул метров за триста. Вдруг, думаю, какой резвый оперативник уже прокоцал чего. Подходим к гаражу – тишина. Фыркнула «хонда» моя, зашуршала. Греть не стал, сразу выехал. После зашел внутрь и глянул, как попрощался. Почудилось неожиданно, что не вернусь я сюда. Тоскливо стало, но давай я себя бодрить. Думаю: «Зделаем свинорылого, как просили. Изобразим несчастный случай, и атанде – свободны. Десятка баксов не лишняя».

«А может, на хрен все это? – подкралась предательская мыслишка. – Рванем сейчас в Хакасию, потом в Тыву, а там и до Внутренней Монголии рукой подать. Государственная граница только на автомобильных переходах... Это же для лохов от СССР: “граница на замке” или Карацупа со своим бульдогом. Сказки пионерские».

Такой ход я давно обдумывал. Отлежимся в Абакане тихими гражданами, подготовимся – и за кордон... Но рассуждать-то рассуждаю, а понимаю, что не отсидеться нам долго без воровской помощи. Времена не те. У мусоров и компьютеры, и связь нынче не по телетайпу, а значит, одна у нас дорога – на Иркутск.

10. М. Птахин

Ночь свалилась на меня неожиданно. Только-только было солнышко, а тут раз – и тьма кромешная.

Импульсы окружающего пространства замедлялись. Центр у вселенной сместился, и мой город Иркутск остался далеко-далеко...

За чтением письма, оставленного мне Главным Геологом, время шло быстро. Пять листов формата А4, исписанные размашистым почерком, перевернули всю мою жизнь. Лихорадочное состояние, накрывшее меня при чтении журналов из сундучка, после письма окончательно затянулось петлею на шее. Думать о чем-то, кроме плана дальнейших действий, не получалось. «Сначала в обязательном порядке советуюсь с Петром», – соображаю. Так или иначе, это одна из составляющих завещания Главного Геолога.

«Тайна для двоих, – писал он. – Мы в свое время ее похоронили, поскольку за двадцать лет работы надоело моргать глазами. Сначала НКВД, потом прокуратура с милицией.

Если не возьмешься разобраться с этой задачей, не обижусь. Без Петра в шахты не суйся. Он в остатках “подземли” дока, хотя соберется ли пойти – не знаю. Вы ведь мне как сыновья, жалко, встретились поздно.

В начале нашего знакомства я тебе не доверял. Казалось мне, что утекла где-то наша тайна, но после успокоился. Лишних вопросов ты не задавал. Тебе же только слюду подавай. То, что глаза горят, хорошо. С “подземлей” без фанатизма нельзя. И желательно, чтобы душа была открытой. Несколько раз я партнеров себе искал, чтобы закончить ту историю родом из 1961-го. Не получилось. Отец Петра никак не соглашался вернуться в прошлое, а без него на развалинах подземного города я бы ничего не нашел.

Почему, объясню позже.

Ты наверняка не обратил внимания на мою реакцию, когда я поинтересовался твоим днем рождения, а у меня при упоминании 14 марта 1961 года дух перехватило. Понял я тогда, что не просто так и Лидия Иннокентьевна с твоей родней завязалась в свое время.

Ты знаешь, я в Бога не верю, но необъяснимость иных совпадений преследует меня всю жизнь. Сначала твой день рождения, а потом ты и с Серегой сдружился. Понял я тогда, что вот он, партнер. Но только старый я стал, и хотелось немного пожить. Когда по горкам тебя таскал, почувствовал, что здоровье мое не то, а с “подземлей” шутки плохи.

Когда в девяностых туда народ полез, я и сам несколько раз спускался, вроде как за кристаллами апатита. Был тогда в Слюдянке некий Соломин, и собирал он минералы для “Кварц-самоцветов”. Несколько раз мы побывали с ним в четвертой шахте у жилы № 501. Он кристаллы ковырял, а я все пытался тайну товарища своего разгадать.

Тогда, в 1961-м, я в отпуске был, когда все случилось, и штрек этот на горизонте 172 метра закладывали без меня. Я лишь фиксировал данные со слов работников. Лидия Иннокентьевна не даст соврать, не дом у нас был, а настоящий штаб. Я дела так устроил, что ко мне информация со всего рудника стекалась.

Так вот, отец Петра на штрек тот мало что задвижку поставил для отсечки сероводорода, так еще замуровал бетоном и под скалу замаскировал.

Расчет был верным. В той разрухе, которая в “подземле” творилась, не смог я найти ничего. Все ругал себя, что не спросил у него в 1961-м, но настолько надоели мне эти каверны за двадцать с лишним лет, что не описать.

Соломин оказался негодяем, и, когда я дорожку ему в шахты протоптал, стал работать сам. Обещанных гор золотых я так и не увидел.

Жизнь в окружающем мире катилась под откос. Алчность овладела всеми.

Попытался связаться с сыном Козлякина, Володей. Великий фантазер был мальчишка, любую задачу мог решить, а вот с собой не разобрался. Быстро скрючила его “подземля” до состояния злобного карлика. Там много народу тогда харчевалось, но работали бригадно, хотя и враждовали за остатки собственности рудника. А вот Володька сразу научился трудиться один.

Лабиринты изучил так, что мог завести и вывести с закрытыми глазами почти с любой точки.

Когда конфликты между дикими бригадами достигли роковой отметки, самым опасным оказался именно Козлякин. Он мог не выбираться на поверхность неделями и постепенно добился того, что в городе поползли слухи про оживающих покойников.

Думаю я, и война подземная началась из-за него. Спровоцировал он как-то ее и конкурентов чужими руками прибрал. Но ничего ему это не принесло...

Горестно мне: за все время существования шахт не погибло столько людей, как в эти проклятые девяностые.

Все приложили к этому руку. На мне тоже крест, ведь это я Козлякина-младшего в “подземлю” завел и лучшие места роста кристаллов показал.

Перед смертью отец Петра сказал мне, что штрек с сероводородом до конца не потерян. Есть у него планчик и приметы, по которым можно его нащупать, вот только пока не умрет он, никто ничего не получит. “Оставляю в своем архиве, – так он сказал. – Найдешь себе преемника, отпиши, чтобы связался с Петром, и разъясни, что там, внизу, осталось. Сына своего Серегу не привлекай, он человек земной, а тут нужен авантюрист вроде моего парня”.

Все ждал я, когда появится кто. Повторюсь: в Бога не верю, хотя и пишу это слово с большой буквы. Гложут меня сомнения про мироустройство, о котором советская власть нам рассказывала.

Когда приехал ты и совпадения стали напоминать закономерности, я понял, что вот он – преемник, про которого говорил товарищ мой. Сейчас ты для нас как родной, и хотя бизнесмен, но нет в тебе этой жадности вселенской. Не скардничал ты и со старателями, которые тебе слюду в частном порядке добывали, рассчитывался честь по чести.

Когда они меня спрашивали, кто ты, я говорил, что внучатый племянник, а они все смеялись: мол, видно, что родственник. Порядочный.

Твой поиск начнется в шахте № 4 на горизонте 172 метра. Попасть туда раньше можно было через ствол шахты, но Володька Козлякин завалил его в девяностых.

Когда подземный город еще жил, две-три минуты в клетки – и там. Потом по лиственничным лестницам спускались.

Вова с ума сошел и решил, что все шахты его собственностью стали.

Теперь прямых ходов нет. Петр наверняка что-то знает, но я напишу для тебя пару обходных маршрутов.

Маршрут № 1

Оборудование: аккумуляторные фонари; непромокаемая одежда; резиновые сапоги; инструмент.

– Начинаете с берега Байкала, подъем через водоотливную штольню «Байкальскую». Встречный поток глубиной 20–30 см. Расстояние – 2,85 км.

– Слепая шахта. Подъем – 45 метров (возможно, будет нужно альп. снаряжение и специалист).

– Левый штрек: движетесь им к квершлагу № 2 гор. 49 м.

– Шахта «Центральная», спуск 1,1 км, проход по квершлагу № 2 25 м и попадаете в шахту № 4, горизонт 29 м 172 м. Вниз по лестницам (если еще стоят) или снова альп. снаряжение.

Недостатки: 8–9 часов на дорогу туда и обратно.

Маршрут № 2

Оборудование то же.

– По пади Улунтуй 2 км. Через завал на устье штольни «Новая», пройти по ней 400 м.

– По квершлагу № 7 гор. 182 м достигаете запасного вертикального хода, соединяющего гор. 182 с гор. 49 м.

– Далее по первому варианту от гор. 49 м.

Недостатки: возможно, купол квершлаг № 7 гор. 182 окончательно перекрыл проход.

Свяжись с Петром и расскажи ему все, о чем я напишу дальше. Вам в обязательном порядке понадобится альпинист. Если есть жизнь после смерти, то постараюсь остаться с вами как невидимый проводник, хотя все это рассуждения досужие.

Прошу тебя как партнера в случае удачи помочь Сергею и Лидии Иннокентьевне. Времена волчьи, но я знаю, что ты меня не подведешь.

Если добрался до конверта, значит, тебе небезразлична моя жизнь и хоть какую-то часть журналов ты пролистал. Я уже упоминал твой день рождения. Беспокою тебя сейчас с того света из-за события, которое стало итогом в целой цепочке человеческих трагедий. Именно в тот день мы обнаружили признаки последней каверны с проклятой находкой.

Пролистай мои записи за тридцать девятый, сорок седьмой и пятьдесят шестой годы. Найди значок \$ и прочитай, что там есть. Хотя можешь прочесть после – ничего не изменится.

Как я пишу в заметках от сороковых годов, нам повезло и не повезло. Тебе сегодня тоже, потому что объяснять, что такое \$, я не стану. Если найдете, поймете все сами, а если нет, то и лишнего шума не будет. Искать то, не знаю что, люди не любят, но, если выскочит информация, о чем речь, очередная война под землей обеспечена.

Не хочу быть катализатором беды. Нашему поколению и так досталось – сначала от идеологии, а потом от ее отсутствия. Даже не знаю, что страшней. Понимать, что ты поддерживаешь свою страну, – приятно, но осознавать, что эта же страна тебе не верит, – ужасно.

\$ открыли мне глаза на эту власть, которая готова была уничтожить даже самых преданных вроде меня. До сих пор помню глаза следователя в пятьдесят шестом...

Но это все лирика. Стоимость \$ баснословна. Особенно интересные экземпляры оказались в каверне сороковых. Гаденыш Козлякин ткнул тогда пальцем в кальцитовое пятно, и государству досталась очередная порция добра, а нам – еще год проблем от НКВД.

Каждый раз, получая информацию о признаках \$, я дрожал как осиновый лист. Доносчики на шахтах работали как часы, и любой мог про меня написать.

В твой день рождения мы с отцом Петра приняли-таки решение не вскрывать каверну. Из-под колонкового бурения пошел сероводород, и проходку остановили. Моя ошибка. Надо было хоть визуально глянуть, где находился этот штрек, но я уже столько натерпелся от \$, что никуда не пошел. Петрухин батя постарался тогда на совесть, и тайна теперь покоится где-то на отметке гор. 172. Заделано все так, что даже я ничего впоследствии не нашел.

Время сработало не на нас.

Жив или нет отцовский архив у Петра, я не знаю. Каверна, со слов моего товарища, находится метрах в тридцати от входа по левой стороне, там стали зарубать штрек, а он пятно и углядел. Судя по вкраплениям в кальците, это \$. Тюкнешь геологическим молотком, и всё посыплется.

В обязательном порядке помни о сероводороде. Без изолирующих противогазов внутрь не суйтесь. Аккуратнее с огнем. Не забывай о “хозяине” шахт Вове Козлякине. Этот готов на любую гадость. Будете заходить в штольни, обязательно оставьте кого снаружи. Подземные жители способны на любой фокус.

Надеюсь незримо пройти по шахтам вместе.

Искренне твой,

В.П. Быков».

11. Р. Пашян

Любая проблема – не проблема в хорошую погоду. Вечность солнечных лучей всякую букашку радует, не говоря уже о тех, кому и радости не осталось.

Возьми хоть нас... Нет, все понятно: ведешь преступный образ жизни – будешь сидеть, и, как я ни тихарился, ни осторожничал, случились и у нас проблемы.

Из города выскочили, ни с кем не прощаясь. Телефоны вырубili. Красноярск еще только встряхнулся, а мы уже трассу подмяли. Пока солнышко расходилось, молчком ехали, а когда желтый лес в осенней измороси высветился, базарить давай.

Едем гадаем, что там с пацанами. Мага сто процентов живой, а вот по Тристану задачка... Жалко парнишку. Наловился, похоже, он пуль в грудь. Хотя и по Маге вопрос: может, мент с последней плюшки локтем калеккой пацана оставил?

Соображений своих Леваше пока не высказываю. По мне, так хоть оба пускай на тот свет отчалият – запала меньше, и про нас растрепать некому... А баранчик горный мой все переживает: как там Мага, как Тристан? Сказал ему: мол, новости в Канске посмотрим.

Интересуется:

– У нашенских остановимся?

Ну, тут меня и прорвало:

– Забудь с этой минуты про любых друзей, мы с тобой теперь в бегах, брат, и жить будем нынче «без никому».

Поник мой Леваша. Задумался.

– Не дрейфь! – говорю. – У нас с тобой теперь одна надежда – воры. Из гостиницы побазарю с ними и все убацаю...

– Так дэнэг же они не послали, – бормочет Леванчик.

– Теперь, если скажут без денег поступать, будем поступать, – отвечаю. – У меня сейчас вся надежда на них, а свиной билет – это наш с тобою билет в рай...

Сидит молчит. Ну что же, каждый до поры себя бессмертным да неуловимым считал, вот и Левашино время пришло обтесываться. Понимать надо: коли уж ты преступник – готовься ко всему...

Мне от его сомнений, честное слово, даже легче стало. Уловил я нашу с ним разницу. Я давно готов к подобному развитию событий, а вот паренек-то – нет...

Еду, решаю... Раз уж судьба так закручивается, что мы на опасный виток выходим, остановимся инкогнито в гостинице «Медведь». Еще задумал я спросить о шмотках свиной билет, которые бросил он там пару лет назад. Не дает, оказывается, покоя мне вентилятор тот, на котором он канскую братву развел, да и нас вместе с ними... Чего уж греха таить.

Загадал: если вещички на месте – пофартит во всем.

Трасса оттаяла окончательно. Ушли с асфальта промерзшие пятаки. Это хорошо – резина-то летняя. Фуры, фуры, грузовики всякие... Леваша раньше голову себе свернул бы – дармовая добыча, а тут сидит и нишкнул совсем.

«Правильно, – думаю. – Нам сейчас тихо жить надо. Без лишнего шума...»

До Канска добрались быстро. Трасса отличная. Рулим к гостинице «Медведь». Еду, а сам думаю, что не дал бы Господь с пацанами знакомыми встретиться. Ни к чему нам свое местонахождение раньше времени обозначать.

«Новости надо смотреть, – тюкает в башке. – Сначала новости...»

Когда в номер ввалились, отлегло немного. Даже Леваша повеселел. До того разухабистого абрека, который сегодня на дело шел, ему далеко пока, но и смурь дорожная, гляжу, понемногу отлетает.

Усадил я парнишку в кресло, телик включил и задачу поставил: отсматривать все новости – местные и федеральные. Сам на вахту пошел. Тетка на тумбочке, сразу видно, бой-баба.

Поинтересовался я оставленными вещичками и долго ли они их хранят.

– Если клиент не хватился, так месяц-другой, – отвечает, – а если перезвонят, то пока не заберут...

Тут я историю сочинил о том, что товарищ оставил пару лет назад вентилятор и еще кое-какую мелочь и забрать просил, если сохранилось.

Та фамилию спрашивает.

– Птахин, – говорю, – Мишка Птахин. Сослуживец мой...

Полезла в журнал. Есть, говорит, такой, и вещички, похоже, в целости, сейчас принесу.

Минут пять ходила, но пустая вернулась. Смотрю, взгляд у нее поменялся. Нехорошо смотрит. Подозрительно...

– Не наша я вещей, – говорит. – Все пересмотрела, может, другой кто забрал без отметки в журнале...

Чую, не так что-то, а понять не могу... Купил с прилавка пару шоколадок. Одну ей подарил за беспокойство, а вторую давай сам жевать. «Заедаю стресс», – мелькнула мыслишка. Тетка оттаяла, разулыбалась. Конечно, халява каждому приятна. Рукой поманила меня и шепчет, что цел вентилятор, только записка лежит там директорская – отдать хозяину лично...

Тут уж и я отходить стал. Успокоился. Целы вещички-то, так что примета в нашу сторону вышла.

Леваша в номере расстроенный совсем.

– Умэр Трыстан, – говорит. – Умэр по дороге в балныщу. Мага задержан. Я в розыске...

– Ты?

– Фотку показали, гдэ я вместе с Магой.

– Про меня есть что?

– Про тэбя, Роин, нэту.

«Ясно, – думаю. – Значит, молчит пока Магомед, и теперь прямая моя обязанность – дачками ему помочь. Дачками и адвокатами».

Прервал мои рассуждения Леванчик.

– Я нэизвестный, – говорит.

– Чего?

– Нэизвестный, гавару...

– Ты?

– Да.

– Уже лучше.

– Чэм?

– Рожу тебе менять будем. Бороду с сегодняшнего дня расти. На улицу не суйся. Я жратвы притащу. Номер оплачу...

– А сам чэго?

– Попру в Красноярск. Маге дорогу надо организовать. Отпишу ему, чтобы молчал. Он же на нас рассчитывает, ну и бабки ихние у нас...

– А я?

– Спишь. Бороду растишь, и без глупостей...

Замолчал мой абрек. Не по нутру пареньку бездействие. Ему экшен подавай, движуху.

– Не парься, – говорю. – Три, максимум пять дней, организую дела и обратно. Выдержишь?

– Сэгодня рванешь?

– Завтра. Новости смотри, не переставая. Если про меня что мелькнет, сразу на сотик, а так нишкни и без всяких контактов. Может, тебе книжек купить?

– Ты же знаешь, я чытать не люблю.

– Самое время начинать тренироваться, – говорю. – На каторге – лучшее занятие.

– Каркаэш? –

– Да началась уже каторга! – поучаю. – Привыкай! В Иркутске погуляем...

Сам думаю: «Сначала новости еще раз гляну и вора́м звоню с поклоном...»

Передачу повторили через пару часов по Красноярскому телеканалу. Неплохая съемка. Грузовик наш крупным планом. Мешки затаренные стоят. Мент, который ссать выходил, интервью дает, как они разбойников заметили и приняли меры к задержанию. Неплохо, что хвастается, и так перевернул все. По крайней мере особой дерзости, может, суд и не усмотрит, хотя как знать...

Гаишника показывают с забинтованным плечом.

– Преступники отстреливались до последнего, – рассказывает ментяра и рукой перед камерой шевелит. Морщится.

Корреспонденточка над ним чуть не порхает:

– Ранение серьезное?

– Навылет...

«Достал-таки его, козла», – думаю.

Ножик Левашин крупным планом в дверце. Так и торчит, как сунул.

– Преступники оказали упорное сопротивление, – шепчет деваха в микрофон. – Один из них убит, один задержан. Трое сотрудников получили ранения.

Снова ножик показывают, только из салона.

Лезвие торчит, все в кровище, а с улицы ментяра его вытянуть пытается.

– Обнаружены отпечатки пальцев, – появился на экране полковник. – Предположительно, преступников было четверо. Двоим удалось уйти.

Съемка с камеры видеонаблюдения: я в маске шмаляю от борта уазика по гайцам. Водила растоптанный под ногами валяется. Потом отступаю, спиной вперед. Пячусь, и, когда ментяра вокруг машины бежит, мы с Левашей рвем в кусты...

Фотография.

– Разыскивается неизвестный кавказской национальности...

Мага с Левашей. В кабаке сидят в обнимку. Рожа партнера моего фломастером обведена. Довольный... Чистый грузинский князь.

«Хреново, – думаю. – От него до меня один шаг. Надо алиби готовить, хотя, если Мага не разговорится, устанут менты привязывать нас по этому делу...»

– Выдышь, нэизвестный я, – заговорил Леваша.

– Выжу, выжу, – передразниваю. – Меньше по кабакам шараться надо. Короче, пока я в Красноярске кантуюсь, не брешься. Из номера не выходишь. Оплачу за неделю вперед. Привезу тебе жратвы, газет, книги. Будешь читать учиться, а бороду вырастить – основная задача.

Сам думаю: «Пора вора́м звонить и обозначаться». Набрал ихнего связного и сказал, что нужен «Сам». Дал телефон гостиницы и цифры добавочные.

Прождал почти час.

Звонок.

– Барев, Роин-джан. Лав ес?

Я отвечаю: мол, да... все отлично, дорогие старшие братья, и все в моей жизни просто замечательно...

– Наверное, денег ждешь? – интересуется ворюга.

– Что я вам, киллер? – возмущенно спрашиваю. – Или в Италии где вырос? Дал ты мне, старый, набой на пацанчика, и слава богу. Счет-то по его душу и у меня есть. Мы с бригадой сейчас в Канске. Через неделю закончим кой-чего и прем на Иркутск, с негодяем разбираться.

Молчит старый. Какую думу думал, позже стало ясно. Говорил же – фраеру вора не понять.

– Ты не думай, Роин, – говорит урка, – не думай, что я деньги жму или даром тебя работать заставляю. Пойми правильно, меня всегда интересовало, насколько окружающая жизнь людишек меняет и как они в ****во превращаются. То, что ты меня сегодня набрал, о многом говорит, я же паузу в базаре специально дал. Жду, попрешь ты в атаку или не попрешь. Прикинул, что, ежели будешь разговорами о деньгах донимать, значит, курвиться стал паренек мой, а людей в этой жизни я терять ой как не люблю. Сейчас вижу, что на поступок ты идешь осознанно, и радуюсь... Все мое и так твое, брат. Пока в Иркутск едешь, определюсь, где и у кого бабло забрать и волины, если надо. Ты меня знаешь: в тебе без перемен, а я и подавно своего отношения не меняю.

Стыдно мне стало после этих слов, мочи нет, но виду не подаю. Хорошо хоть по телефону базарим. Глаза в глаза выкупил бы меня старый. Кстати, может и по трубке. Чую, прислушивается он и каждую интонацию ловит: не дрогнет ли голосок?

Ждал он звонка от меня, смотри-ка. Все правильно – вор есть вор! Они в простоте слов не говорят. Я тоже хорош – стыдно мне стало. Какой-такой стыдно?

Мысли эти за миг пролетели, и говорю я твердо:

– Да уж, дураку – наука. Не думал я, что проверять меня станете. Интересно только, из каких поступков моих исходили? Или нажевал кто стремного?

Сам думаю: «Подгружу его немного по-бродяжки. Глянем, чего ответит?»

– Не дыми, Роин, – урка говорит. – То, что ты в Чарли не превратился, я и так вижу. Не понял ты, паренек, оказывается, что покаянна речь моя за мысли свои худые. В стойку зачехлешься... Или есть тебе в чем покаяться?

«Смотри, как перевернул», – думаю и отвечаю:

– Дымить кончаю, как сказал. Мне с вами в оборотах не тягаться, а слово мое верное. Сказал – буду делать, значит, буду...

– Вот и я так же, – смеется ворюга. – Нам же с тобою главное – дело, а не слова пустопорожние. Вижу, не меняют тебя годы и можно с тобой по-прежнему кашу варить.

Рассуждали еще минут тридцать. Рассказал мне урка про «Олимпстрой», при котором наш оппонент сухарится. Поведал, как закрывали воры стройку в Сочи.

После эдакого размаха мне проблемы наши с овчинку показались.

Спрашиваю:

– Можно мне с товарищем документы чистые на другое имя выправить?

– Что так?

Наброесал, что задумали мы дело немаленькое за рубежом, так что с настоящими данными там появляться не резон.

– Посмотрим, – говорит. – Сделать можно все, а вот ты меня, старика, сегодня порадовал несказанно, что бродяжню жилку свою не утерьял, как многие, да не разменялся в целости своей. Когда до Иркутска доберешься и определишься с делами – звони...

12. М. Птахин

Утро постучалось в стекла моего пристанища рано. Вставать не хотелось. Полночи я упражнялся в соревновании с негодяем Козлякиным. Причем гонялись за мной по подземным лабиринтам почему-то и старший, и младший.

Спасало меня в этой погоне только одно – я был быстрее. Покойный папаша все время отвлекался и тыкал пальцем в белые пятна на стенах, а сынок оказался злобным карликом и никак не поспевал за мной на изогнутых ножках. В руках у каждого были какие-то штуковины, которые они называли забурниками и зловеще ими размахивали.

Вторая половина ночи была поспокойнее. Видимо, посчитав, что с меня хватит на первый раз, Козлякины исчезли, а я бродил в одиночестве среди заброшенных вагонеток, осматриваясь и ожидая, пока проснусь.

«Можно считать, что первая экскурсия в “подземлю” удалась», – решил я, выбираясь на двор, где еще с лета у Марычей висел алюминиевый умывальник. Всего лишь ковшик воды, и я уже плескался, смывая с себя сонный налет. Никак из головы не шли слова Владимира Петровича, что теперь он – мой невидимый проводник.

После прочтения рабочих записей и прощального письма в голове сформировалась интересная картинка и наметились этапы. В первую очередь необходимо переговорить с Петром и дать прочитать письмо. Следом постараться найти в архиве его отца подсказку о штреке, заполненном сероводородом.

В случае удачи собираем экспедицию. Все, о чем писал Главный Геолог, не было проблемой, за исключением альпинистов.

Вытерся махровым полотенцем, приятно защекотавшим лицо, и понял, что это самая уязвимая часть плана. Человек нужен свой в доску – в такой поход втемную не пойдешь.

Про «подземлю» думать не хотелось, видимо, набегался достаточно и во сне.

Когда поднимался на крыльцо, в калитку постучали.

– Хозяев нет, – крикнул я. – Только гости.

– А хозяев и не надо, – ответили с той стороны. – Я к вам пришел.

Удивленный, я пошел было открывать, а потом решил вернуться в дом и уложить архив в сундучок.

Крикнул как можно доверительнее:

– Сейчас, оденусь. Подождите...

«Странно, – рассуждал я, собирая и укладывая журналы в пыльном пространстве вместилища секретов. – Какие такие гости? Ко мне? В Слюдянке? Может, Санька забыл чего и соседей отправил?»

Выскочил во двор и подошел к калитке.

– Вы к Маркиным? – поинтересовался я, изображая борьбу с заложкой.

– Нет, к вам, – настойчиво ответил вкрадчивый голос.

Отчаявшись прояснить ситуацию, я распахнул плотно сколоченную дверцу.

В проеме стоял худощавый мужчина чуть за пятьдесят.

– Здравствуйте, – шагнул он вперед, и я невольно потеснился, давая дорогу. – Меня зовут Володя. Мой покойный отец и Быков Владимир Петрович были друзьями.

С этими словами мужчина прошел во двор и уверенной походкой направился к дому.

– Секундочку, – разозлился я. – Вы куда, хозяев-то нет?

– В дом, – заулыбался собеседник. – Не на дворе же разговаривать?

Нехорошим чем-то вдруг повеяло от его улыбки. Мертвенным. Неожиданно я понял, что где-то видел его. Напрягся, вспоминая. Тщетно.

Отнес это к эффекту схожести жителей маленьких городов и ответил:

– Почему на дворе не пообщаться? Слушаю вас.

– Неласково говорите. Я полагал, знакомство с Владимиром Петровичем как-то объединяет...

– Я что-то вас ни на похоронах не помню, ни на поминках, – подозрительно прищурился я, лихорадочно пытаюсь сообразить, кто это.

– Не было, – подтвердил тот. – У меня давний конфликт с Лидией Иннокентьевной, зато дружеские отношения с Сергеем.

– Так это он вас сюда направил? – поинтересовался я.

– Конечно. Он еще сказал, что архив Петровича у вас.

На размышления и ответ мне оставалась какая-то доля секунды.

– Ну, раз такое дело, – разулыбался я, – идемте в дом.

Врать, что архива нет, слишком подозрительно, так что придется ознакомить. Поверхностно. «Вот Серега тюфяк, – сердился я, стуча ботинками по доскам крыльца. – Его спросили, а он и ответил, чтоб отвязаться... Прав был Петрович, мягковат сынок для серьезных дел... В принципе ничего там сразу и не найти». Я покосился на идущего позади гостя.

Был он какой-то напряженный, и неожиданно я почувствовал его желание хватить меня чем-нибудь по башке.

Мысли моего утреннего посетителя лежали как на ладони. Сильно напоминал он меня вчерашнего, даже пиратский азарт тот же – ступил на берег, и клад найден.

«Ни хрена не найден», – ответил я ему мысленно, а вслух:

– Вот он, архив.

И на сундучок указал. Мужчина, не задавая лишних вопросов, откинул крышку. Стало ясно, что напряжение его на пределе и может получиться что угодно, если попытаюсь его остановить. Прикинул шансы. Начинать драку – это всегда ответственно. Победители там бывают редко – морды разбиты у всех.

А незваный гость уже листал первый журнал.

– Как ваша фамилия? – наконец сообразил я. – Я почти всех знакомцев Петровича знаю, правда кого-то заочно.

– Фамилия, говоришь, – поднял голову мужчина. – А зачем тебе моя фамилия?

Нехороший у него был все-таки взгляд. Повидал я таких пареньков, работая в уголовном розыске. Для них человеческая жизнь – мусор... Так смотрят люди, у которых убийство в крови, причем не нечаянные душегубы, а имеющие к этому привычку и рассматривающие окружающих как скот для забоя.

– А я знаю тебя, – вспомнил я сегодняшний сон. – Ты Володя Козлякин.

В глазах у гостя что-то мелькнуло, и взгляд угас. Первый запал золотой лихорадки проходил.

– Точно, – выдавил он, приводя в порядок мысли. – А как догадался?

– Лидия Иннокентьевна про тебя рассказала. Посоветовала на порог не пускать, если появишься.

– А чего же пустил?

– Ну, во-первых, ты пер как паровоз, – засмеялся я примирительно. – Сам-то не заметил? Мужчина молчал.

– А во-вторых, ты уже не первый гость сегодня по части архива, – закончил я свое сочинительство.

– Был уже кто? – снова напрягся Козлякин. – Петр?

– Он, – притворно удивился я догадливости гостя. Именно о Петре я и собирался говорить.

– Архив смотрел?

– А чего жадничать-то? И ты гляди, только времени у меня мало.

– Может, покопаться оставишь?

– Давай так, – принял я решение. – Приходи вечером и вместе спокойно посмотрим.

Врал, но знал, что поверит. У него чувства тоже обострены. Начни я его гнать, неизвестно, что выйдет. Я таких повидал – убийца в золотой лихорадке. Прямо чувствовал, как шарится он сейчас в моей голове. Думает. Рефлексирует.

Хорошая у меня школа. Опять я на шаг впереди. Запал тоже удачно сбил, а теперь – сама благожелательность: «Приходите вечером».

«Пожалуй, кончился завод у парня», – глянул я ему в глаза и поинтересовался:

– Чаю будете?

Козлякин ушел, а я остался среди взбаламученного водоворота ощущений.

«Опасный парень, прав покойничек, – щупал я письмо, лежащее в кармане. – Такой способен на все...»

За столом Володю снова понесло. Пару раз поймал на себе его взгляд, когда он мазал ножичком масло на хлеб, и понял, что, знай он весь расклад, пустил бы его в ход, не задумываясь.

Вопросики тоже сыпал в одну сторону. Какие отношения с Маркиными, да где они сейчас. А я ответики ему выдавал: мол, хорошо, что Серега дал мои координаты. Потом про то, что в жизни бывает по-разному: мол, я тоже в иных семьях не ко двору. И снова про Серегу, чтобы понял этот дядька – начни он сейчас возню, так придется и того прибирать. Потом про архивы, как их Петр листал и как он расстроенный ушел.

Володя поинтересовался еще: не просил ли чего с собой забрать?

Сказал, что спрашивал про сундучок на недельку, но я ответил, что и самому интересно почитать. Вот, к примеру, вы, Володя, хоть и ворвались без спроса, я же вас понял, как-никак, записки старого товарища, а вдруг там что про родителей есть? Такое каждому интересно.

– А почему он архивы вам отдал? – поинтересовался, допив чай, мой гость.

– Так договоренности у нас с ним, – сочинял я на ходу. – Книгу буду про Владимира Петровича писать.

– А почему через год?

– Покойника не спросишь, но были, видимо, у него соображения. Меня вот, когда сундучок отдавали, так Петр предупреждал с вами дел не иметь, а сам появился на следующий день, и неадекватный.

– ??

– Ну, неадекватный... То ему покажи, вот это дай... А вообще, – изобразил я удивление, – что вы там все ищете?

Володя ответил, не раздумывая:

– Наверное, каждый свое. Меня батино прошлое волнует. Сын Максимка уже взрослый, так хочу, чтобы он про деда почитал. Петрович-то, он дядька обстоятельный был, аккуратно все отмечал...

– Я вот что скажу. Давайте вечером вместе посмотрим, а сейчас я в Иркутск звонить буду, – потянул я со стола сотовый. – Потом Санька Марыч должен приехать. На кладбище к родителям его поедем. Вечером он в Иркутск отбудет, а я здесь ночую. Приходите... По рюмахе...

– Договорились, – поднялся Козлякин, – хотя не пью, но не прощаюсь.

И быстро вышел из дома.

Посидел я над остывшей кружкой. Все про визит этот странный думал. «В руку сон-то, – понял я. – Папаша Козлякин сыну что-то рассказал. Иначе с чего бы парня так трясло? Без вариантов, рассказал».

Выходило, что я своего нечаянного гостя переиграл. Точно моя бабуля покойная говорила, что вежливость – наше оружие. Начни грубить и гнать с порога, неясно, чем история закончилась бы.

«Фамилия, говоришь? – вспомнил я кульминационную фразу. – А зачем тебе моя фамилия?» Порадовался, что правильную политику избрал в отношении гостя. Что за имя такое – Вовочка? Хорошего и правильного парня так не назовут. Коснешься – гадости тонны, а добра со спичечную головку.

«А как он ножичком над сливочным маслом орудовал», – вздрогнул я и понял, что не подвела меня школа уголовного розыска: просчитал я таки клиента, а потом и в непонятки завел – успокоил и про свидетеля Серегу напомнил. Знал я точно, что не отвяжется теперь от меня Козлякин. И чувство даже появилось, что пересечемся мы еще, и снова выбор встанет: кто – кого.

Начиналась какая-то шахматная партия. Первый гамбит получался за мной, а что будет дальше – неясно. «Гроссмейстер, – усмехнулся я, вспоминая классиков юмора. – Когда игра не идет, греби фигуры и противнику в рожу... От Козлякина честной партии ждать не придется, так что готовься, Птахин».

Понял еще, что нельзя медлить с Петром, и набрал Быкова домашний. Серега телефон мне отбарабанил сразу и позвал чай пить, оказалось, Петр сейчас придет. «Так, так, – заметался я по комнате. – Что же с собою взять?»

Решение пришло, когда немного успокоился. Забираю только письмо, вдруг Козлякин следит за двором: поташу я сундучок – не поташу.

13. М. Птахин

– Про меня ты грамотно Вовчику рассказал, – никак не мог успокоиться Петр. – Правильно сделал. Эта гадина способна на что угодно и окружающий мир по себе меряет...

Мы уже закончили чаепитие и теперь потихоньку катились на «крузаке» к дому Марычей, забирать сундучок с архивом.

Выслушав во время перекура мою историю о нечаянном госте, Петр поменялся в лице, и взгляд его стал сочувственным.

Он рассказал, как из-за Козлякина погиб друг детских лет, не найдя выхода после умело организованного обвала.

– Все прошли, все! А он попал, – горестно вспоминал мой собеседник. – Шахта слепой оказалась. Когда мы его откопали, он уж задохнуться успел.

– А откуда известно, что это Вова?

– Только он любит в призраков играть. Все пытается жути побольше нагнать, а потом слухи по городу распускает.

– Тот раз тоже?

– Конечно. Я прибить его хотел, когда понял, что он это, да разве его поймаешь?

– А в Слюдянке?

– В городе тоже не найдешь. Он после шахт ведет себя как ниндзя. Одним маршрутом не ходит, а когда ему надо, появляется словно из-под земли. Только-только не было, и вот он. Не удивлюсь, если он и теперь нас слушает.

– Ты серьезно?

Я прикусил язык. Хотел ведь прямо сейчас новости излагать.

– Конечно. Это ж для простых горожан все как всегда. На самом деле те, кто касался «подземли», нормально не живут. Особенно кто со смертью поигрался. Здесь такой Замоленок есть. Один из тех, кто в этой подземной войне выжил, так он на окружающих как на стадо смотрит. Жена от него ушла, дети тоже неинтересны. Но у них, похоже, с Козлякиным договоренности.

– ???

– Друзья детства они, да и в шахты сейчас мало кто ныряет, вот они незваных гостей вместе и отваживают.

– Что за гости?

– Туристы там, спелеологи да празднующиеся всякие. Правда, сейчас попасть на нижние горизонты сложно. Доступных лестниц нет. Ходы, которые остались для прохода в самую глубину, знает совсем немного народа. Путь вниз открыт только зимой, да и то с альпинистским снаряжением.

– Зимой?

– Инерция температур. Стволы шахт наледями затягивает. Получаются линзы, через которые не пробиться. Оттаивают они начиная с октября, а в феврале – марте опять замерзают.

– А ты-то вниз дороги знаешь? – поинтересовался я.

Петр внимательно взглянул мне в глаза, утвердительно моргнул, а вслух произнес:

– Давно не ходил, да и какая нужда? Выпить хочешь?

Вопрос прозвучал заговорщицки, и неожиданно я спиной почувствовал сверлящий взгляд. Хотелось обернуться, но Петр положил руку мне на колено и незаметно сжал пальцы. Я понял, что он тоже чувствует, и теперь надо верно ответить, чтобы не насторожить наблюдателя.

– Выпить можно, – сказал я. – Вот только Лидия Иннокентьевна пьяниц не привечает...

– Поехали тогда ко мне, – улыбнулся Петр. – Я сегодня один.

– Давай, только сначала к Марычу.

– А что там?

Чужой взгляд не оставлял мою спину ни на секунду.

– Архив Петровича.

– В доме, что ли, оставил? – нервно вскинулся Петр.

Теперь настала моя очередь сжимать его колено.

– Да, – подмигнул я.

Сверливший меня взгляд неожиданно пропал.

– Поехали, – поднялся Петр. – Только с Быковыми попрощаемся.

Когда сели в машину и поехали к Марычам, я в двух словах рассказал Петру о своем исследовании документов.

Узнав, что есть письмо с разъяснениями, мой новый товарищ успокоился.

– Читать поедем ко мне в новый дом, – сказал он. – Там не подкрадешься. Машину на двор загоним, если что, у меня и заночуешь.

– Да мне Марыч ключи оставил, – похвастался я.

– Ты не понимаешь, – наклонился ко мне Петр, – Козлякину известно больше. Я не знаю, что там, в архиве, но чую – интересное что-то. Мой-то папаша покойный ничего не рассказывал, а вот Козлякины всегда жадные были, и, значит, старший младшему поведал что-то. Только нет у него деталей, вот он за тобой и погнался.

– Послушай, – вспомнил я секретничанья на подворье Быковых. – Ты же заметил, что за нами кто-то следил? Ну, когда курить в последний раз выходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.